

Вольфганг
Акунов

БЕЛАЯ
ГВАРДИЯ
ФРИДРИХА
ЭБЕРТА

Вольфганг Викторович Акунов
Белая гвардия
Фридриха Эберта
Серия «Документы и материалы
древней и новой истории
Суверенного Военного ордена
Иерусалимского храма»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63892041

Белая гвардия Фридриха Эберта / В. В. Акунов: Алетейя; Санкт-Петербург; 2021

ISBN 978-5-00165-246-5

Аннотация

В нашей стране почти неизвестна такая интересная и малоизученная страница Гражданской войны, как участие белых немецких добровольческих корпусов (фрейкоров) на стороне русских белогвардейцев в вооруженной борьбе с большевизмом. Столь же мало известно и участие фрейкоров (фрайкоров) в спасении от немецких большевиков-спартаковцев молодой демократической Германской республики в 1918—1923 гг. Обо всем этом повествуется в новой книге Вольфганга Акунова,

выходящей в серии «Документы и материалы древней и новой истории Суверенного Военного ордена Иерусалимского Храма», ибо белые добровольцы стали последним рыцарством, архетипом которого были тамплиеры – рыцари Ордена бедных соратников Христа и Храма Соломонова.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Немецкие белогвардейцы	8
1. Фрейкоры	8
2. Германские белые добровольческие части I категории	40
3. Германские белые добровольческие части II категории	43
4. Германские белые добровольческие части III категории	46
5. Обмундирование	59
6. Вооружение	77
7. Январское восстание в Берлине	79
8. Огненный год	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Вольфганг Акунов
Белая гвардия
Фридриха Эберта

Посвящается памяти Фридриха Эберта

НЕЗАВИСИМЫЙ АЛЪЯНС

© В. В. Акунов, 2021

© Издательство «Алетья» (СПб.), 2021

Фридрих Эберт (нем. Friedrich Ebert;

4 февраля 1871 года, Гейдельберг, Германская империя

– 28 февраля 1925 года, Берлин, Веймарская республика)

– немецкий социал-демократ, один из ведущих деятелей
СДПГ, лидер её правого крыла. Первый рейхсканцлер Гер-

мании после Ноябрьской революции 1918 года, первый президент Германии (Веймарская республика, 1919—1925), а также первый в истории Германии демократически избранный руководитель государства.

Немецкие белогвардейцы

*Ветра вис пламень Саннгрид вяжсет прядь
Орлов когти цепки как скъёлда умбон,
Лавина ликует, с гор ринувшись в падь...
Форсирует Связь – золотой небосклон!
Греют лучи пусть тебя солнца брат!
Аз ведаю слово что скрепит твой дух:
На тверди храни тебя ярл веших врат
Сбеж шляха не дай разорвать в прах и пух!
Ас Хнитбьёрга скал дал нам в дар Лэватейн
Кристалльною сталью сечь Аль-Маатур.
Узреть ярость саг – ледяной Мистелстейн,
Нордический натиск что ал, белокур...
Огнём что течет, словно Биврёста Рейн
Волк старый ещё годен к службе в Volkssturm!*

Евгений Боболович

1. Фрейкоры

Добровольческими корпусами (фрейкорами, фрайкорами) в германской традиции принято именовать сравнительно небольшие военные добровольческие части без строгого подчинения крупным войсковым соединениям. Иногда слово «фрейкор» переводится с немецкого языка на русский как «свободный корпус», что, однако, менее точно. В гер-

манской истории наибольшую известность snискали добровольческие корпуса Фердинанда фон Шилля и Адольфа фон Лютцова, сражавшиеся против наполеоновской тирании. В рядах «черных егерей» – добровольцев фон Лютцова – пал в бою с французами немецкий романтический поэт и патриот Теодор Кёрнер – «немецкий Денис Давыдов». После развала кайзеровской армии в 1918 году из ее обломков образовались многочисленные добровольческие формирования, основанные, как правило, националистически настроенными офицерами и названные по их фамилиям, в подражание отрядам ландскнехтов германского Средневековья. Под их знаменами объединились безработные, вчерашние гимназисты и кадеты, студенты-корпоранты, восточно-эльбские юнкеры и профессиональные солдаты, потерявшие всякие ориентиры в гражданской жизни после возвращения с фронта, не желавшие мириться с социальной дискриминацией, враждебно настроенные по отношению к Веймарской республике и видевшие свое основное предназначение в борьбе с внешним и внутренним большевизмом. Коренное различие между положением в России в 1917 и в Германии в 1918 году, несмотря на сходные обстоятельства – военное поражение, отречение Императора и революционную ситуацию в стране – заключалось в следующем. Даже на последней стадии войны германские фронтовые части, в отличие от российских, остались до конца верны присяге, сохранили высокие боевые качества и лояльность по отношению к командованию и

правительству.

В дни Ноябрьской революции в Германии как раз в германской армии случаи приверженности к левому (как, впрочем, и к правому) радикализму и вообще к революционным идеям были достаточно редки. Хотя после роспуска старой кайзеровской армии в начале декабря 1918 года большинство офицеров потеряли в армии всякий вес, внешние посторонние силы также не имели никаких шансов на успех в среде фронтовиков – ни Советы солдатских депутатов, ни строгая большевицкая система так и не смогли по-настоящему укрепиться в германской армейской среде. С конца 1918 года фронтовые части сами начали организовываться в добровольческие корпуса и отряды самообороны, причем добровольцы повсеместно выступали с позиций непримиримой борьбы с большевизмом, на кровавые эксцессы и прочие безобразия которого многие успели насмотреться еще в охваченной смутой России. Непримиримо антибольшевицкой позиции подавляющего большинства германских фронтовиков нисколько не противоречило то обстоятельство, что начало Ноябрьской революции было положено матросским бунтом в Киле. Дело в том, что германские военные моряки (как и российские, между прочим!) почти не принимали участия в Великой войне, в большинстве своем четыре года бездельничали на своих базах и потому приняли в полном смысле слова «в штыки» отданный, как им казалось, «под занавес» приказ Главнокомандующего Имперским военно-мор-

ским флотом («Кайзерлихе Марине») адмирала Рейнгарда Шеера выйти в море на бой с британским «Гранд Флитом». На фронте же, где офицеры и солдаты кайзеровской армии годами вместе сражались, гибли и кормили вшей в окопах, дух боевого товарищества («камерадшафт») был весьма высок. Поэтому в сухопутных войсках не могло быть и речи о таких военных мятежах, как в Киле. Впрочем, и у нас в России в годину смут особо «отличились» не столько солдаты, сколько орлы-матросики – «краса и гордость революции»...

Поздно вечером 10 ноября 1918 года преемник Эриха Людендорфа на посту генерал-квартирмейстера германской армии, генерал-лейтенант Вильгельм Грёнер от имени Верховного Руководства Сухопутных Сил (Оберсте Геереслейтунг, ОГЛ), предложил лидеру Социал-Демократической партии Германии (СДПГ) Фридриху Эберту рассматривать германскую армию как фактор обеспечения закона и порядка и как инструмент борьбы с большевизмом. 11 ноября большинством съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, собравшегося в цирке (!) Буша, Социал-демократическое Временное правительство Эберта было учреждено в форме «Совета Народных Уполномоченных» («Рат дер Фольксбеауфтрагтен», Rat der Volksbeauftragten) – название этого органа было, в сущности, аналогично названию тогдашнего большевицкого Совета Народных Комиссаров в Совдепии – государственном образовании, созданном большевиками на месте прежней исторической России. Подобное на-

звание, несомненно, являлось уступкой «революционному духу масс», охватившему всю Центральную и Восточную Европу повальному революционному безумию. Наряду с «Советом Народных Уполномоченных», этот коллективный орган именовался «Временным правительством» («Провизорише Регирунг», Provisorische Regierung), а начиная с 29 декабря 1918 г. – «Имперским правительством» («Рейхсрегирунг»). В Совете Народных Уполномоченных избранный его Председателем Фридрих Эберт (СДПГ) выполнял функции военного министра и министра внутренних дел, Филипп Шейдеман (СДПГ) – министра финансов, Отто Ландсберг (СДПГ) – министра печати и культуры, Вильгельм Диттман (СДПГ) – транспорта, юстиции и демобилизации. В составе Временного правительства Фридриха Эберта имелись и представители Независимой Социал-Демократической партии Германии (НСДПГ), стоявшей на более левых позициях, чем СДПГ, – Гуго Гаазе (выполнявший функции министра финансов) и Эмиль Барт (отвечавший за социальные вопросы). Члены НСДПГ, составлявшие меньшую часть германской социал-демократии, именовали своих противников, оставшихся в рядах СДПГ, «социалистами большинства» (нем.: Mehrheitssozialisten) или «социал-демократами большинства» (нем.: Mehrheits-Sozialdemokraten), а их партию – «СДПГ большинства» (нем.: Mehrheits-SPD). То есть, в охваченной революционной смутой Германии, по аналогии с Российской Социал-Демократической Рабочей парти-

ей (РСДРП), речь тоже шла о расколе прежде единой социал-демократической партии на «большевиков» и «меньшевиков» (но только как бы «с обратным знаком»).

Сразу же после избрания Фридриха Эберта Председателем Совета Народных Уполномоченных (СНУ) он заключил с генералом Вильгельмом Грёнером секретное соглашение о подавлении большевизма в Германии, продолжении войны с Совдепией на Востоке, освобождении России от Советской власти, и о разрешении на формирование добровольческих частей. Чтобы решить первую задачу соглашения (по которому Совет Народных Уполномоченных обязался восстановить в армии командную власть и единоначалие офицеров), была достигнута договоренность о незамедлительном вступлении в Берлин 10 фронтовых дивизий для охраны правительства и «недопущения таких событий, как в России». Но оказалось, что дивизии, прибывавшие с фронта, мало способны к ведению боевых действий на родине, да еще и в городских условиях. Большинство фронтовиков думало лишь о возвращении домой. Поэтому 27 ноября 1918 года Верховное Руководство Вооруженных Сил отдало распоряжение о формировании новых воинских подразделений исключительно из тех военнослужащих, лояльность которых не вызвала никаких сомнений. Тем самым была заложена основа для формирования добровольческих корпусов. Никаких изменений государственного строя, структуры и аппарата германского государства взявшие власть фактически «без боя»

социал-демократы решили не проводить вплоть до созыва Национального (Учредительного) Собрания. Никто из прежних чиновников государственных учреждений, проявивших лояльность новой республиканской власти, не был смещен со своей должности. Так – в отличие от России! – в Германии было обеспечено продолжение бесперебойного функционирования государственной машины. В качестве военного министра Фридрих Эберт пригласил в новое Временное правительство заслуженного боевого генерала Ганса-Георга Рейнгардта, прославившегося на фронтах Великой войны.

Ныне почему-то стало модным безмерно приуменьшать угрозу большевизации Германии, нередко даже подвергается сомнению само понятие «Ноябрьская революция 1918 года». Между тем сторонники товарищей Ленина-Свердлова-Троцкого, захватившие власть над Россией, думали, прежде всего, о реализации своего основного стратегического плана – разжигания пожара мировой революции любой ценой. Говоря словами песни, которую большевики заставляли учить даже детей в советских школах:

Мы пойдем к буржуям в гости,
Поломаем им все кости!
Мировой пожар горит,
Буржуазия дрожит!

Или, в несколько более «возвышенной» версии певца «новых варваров» Александра Блока, придавшего всему проис-

ходящему оттенок некоего «русского космизма»:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем!
Мировой пожар в крови!
Господи, благослови!

Особые надежды большевицкое руководство, тратившее на раздувание «мирового пожара» многие миллионы награбленных в России золотых рублей, связывало с Германией. Выступая 22 октября 1918 года с докладом о внешней политике на заседании ВЦИК, В. И. Ульянов-Ленин, указав на образование в Германии военно-революционных комитетов, делал вывод о непосредственной близости международной революции. Как писал по этому поводу в своем дневнике 23 октября 1918 года историк Ю. В. Готье:

«Странную речь произнес Ленин в ЦИКе: с одной стороны, говорил он, мы трещим, с другой – мы победим с помощью германских и болгарских товарищей; что это, сознательный обман или бессознательное самообольщение? Одним, одним дышит эта речь: беспросветной немецкой ориентацией; для Ленина Германия остается пупом земли, если не империалистическим, то революционным, и вся сволочь, слепо идущая за ним, уже непоколебимо верует, что вся та же Германия – на этот раз большевистская – решит судьбу мира».

Так, еще соблюдая условия заключенного с кайзеровской

Германией «похабного» Брестского мира, большевики тайно помогали разжигать в Германии революцию, финансируя более десяти левых социал-демократических газет, распространяя в Германии антивоенную и антиправительственную литературу, отпечатанную в Совдепии. Большевицким правительством был учрежден особый фонд в 10 миллионов золотых рублей, находившийся на попечении депутата германского рейхстага (!) Оскара Кона, а в самой Германии было закуплено на сто тысяч марок оружия для организации вооруженного восстания. А уж после падения кайзера и установления в Германии фактического двоевластия Совета Народных Уполномоченных – с одной стороны, и возникших по всей Германии более чем 10 000 Советов рабочих и солдатских депутатов – с другой, большевики развернулись в полную силу.

Сложившееся в Германии после свержения кайзера положение можно было сравнить с ситуацией в охваченной революцией России, очень метко охарактеризованной русским белым добровольцем Г. Ф. Прониным в его написанных уже в годы эмиграции беллетризованных военных мемуарах «Бронепоезд “Офицер”»:

«Большевизм протягивал руку всем озлобленным неудачникам, разжигая дремавшую ненависть, и другой рукой, гнойными пальцами, с трусливой поспешностью кутал в кровавую тряпку полуистлевший человеческий череп...»

Временное правительство Фридриха Эберта поначалу не

имело авторитета ни среди правых, ни среди левых. Германское «советское движение» («Рэтебевегунг») открыто взяло курс на захват всей полноты государственной власти. С первых же дней Ноябрьской революции по всей Германии начали формироваться вооруженные отряды Красной гвардии, состоявшие преимущественно из бывших солдат (нацепивших красные кокарды вместо прежних черно-бело-красных имперских) и присоединившихся к ним гражданских лиц (сумевших избежать призыва в армию и в годы войны отсидеться в тылу!), щеголявших красными нарукавными повязками и кумачовыми бантами. Эти отряды именовались «Республиканской солдатской гвардией» («Републиканише зольдатенвер»). В Берлине они насчитывали 14 батальонов и официально подчинялись назначенному Фридрихом Эбертом губернатору Берлина социал-демократу Отто Вельсу. Хотя в их рядах числились преимущественно члены СДПГ (социал-демократы) и НСДПГ (более радикально настроенные «независимые социал-демократы», или «независимцы»), не считавшие Совет Народных Уполномоченных своим врагом №1, очень скоро тон в «зольдатенвере» стали задавать «спартаковцы», настроенные к СНУ откровенно враждебно. В противовес им СДПГ приступила к формированию «Республиканских охранных войск» («Републиканише шуцтруппе»), лояльных по отношению к Временному правительству.

12 декабря 1918 года правительство Фридриха Эберта,

обеспокоенное наличием у населения сотен тысяч бесхозных «стволов», по согласованию с Верховным Руководством Вооруженных Сил, объявило о создании «Добровольного народного ополчения» («Фрейвиллиге фолксвер»), в состав которого планировало включить все существовавшие на тот момент вооруженные формирования. Но осуществлению этого плана воспротивились «спартаковцы», не желавшие лишаться своих ударных отрядов, необходимых им для вооруженного государственного переворота по ленинскому образцу. Наибольшая угроза Временному правительству Эберта исходила от прибывшей из балтийских портов и расквартированной в Берлине «Народной военно-морской дивизии» («Фольксмаринедивизион»), объявившей себя частью новой республиканской армии, но на деле проникнутой большевицким духом и постоянно затевавшей провокации и перестрелки с немногими верными Временному правительству армейскими и полицейскими частями. Легко предположить, в какую кровавую пропасть оказался бы ввергнутым весь мир, если бы советской Красной Армии удалось прорваться в охваченную беспорядками Германию через Польшу и, по ленинскому замыслу, «соединить русский серп с германским молотом». Казавшиеся в описываемое время поистине неисчерпаемыми людские ресурсы взнуданной товарищами Л. Д. Троцким и В. И. Лениным России и въевшиеся в плоть и кровь немецкого народа дисциплина и любовь к порядку, русский хлеб (отнятый большевицкими «продот-

рядами» у крестьян) и германская техника, поставленные на службу Коммунистическому Интернационалу, представляли реальную угрозу всем лучшим достижениям мировой цивилизации. Но на пути красного Молоха в Германии, как и в России, встали белые добровольцы.

Общее число добровольческих корпусов, частей и подразделений в самой Германии и на сопредельных территориях (Прибалтика, Австрия) в 1918-1921 годах превышало 2000. Разумеется, одно их перечисление заняло бы десятки страниц убористого текста и вышло бы далеко за рамки нашего очерка. Впрочем, о многих из этих «фрейкоров» не сохранилось почти никаких достоверных сведений (ни об их символике, ни об их численности, ни даже о фамилиях командиров). Это объяснялось, во-первых, тем, что белые добровольческие части чаще всего организовывались не «сверху», а «снизу», стихийно, по инициативе населения и фронтовиков, вернувшихся на родину и возмущенных творившимися там безобразиями; во-вторых, само веймарское правительство социал-демократических бонз, не сметенное красной волной большевизма только благодаря штыкам добровольцев, стальной щетиною прикрывших Шейдемана-Носке-Эберта и прочих германских «керенских», как бы стыдилось перед лицом «всего прогрессивного человечества», что было вынуждено принять помощь от «классово и идеологически чуждой» ему «реакционной военщины», и постаралось по возможности изгладить память о подвиге фрейко-

ровцев из памяти современников (не говоря уж о неблагодарном потомстве!).

К сожалению, пример Германии в этом смысле не единичен. Аналогичная ситуация сложилась, например, сегодня в Чили, где на бывших военнослужащих – соратников генерала Аугусто Пиночета Угарте в ликвидации в 1973 году марксистского режима Сальвадора Альенде Госенса, поставившего страну своими революционными экспериментами на край катастрофы – изливаются неудержимые потоки клеветы и совершенно бредовых, беспочвенных домыслов, распространяемых по всему миру (причем не только левацкими, но и либеральными средствами массовой информации). Похоже, либералы, вполне довольные реформами Пиночета и пользуются их плодами – собственно тех, кто обеспечил эти успехи, брезгливо сторонятся и стараются, подстраиваясь под господствующие ныне в мире левые взгляды, вычеркнуть их из истории. Хотя, казалось бы, они должны понимать, что если бы не чилийская армия во главе с генералом Пиночетом, совершившая в Чили в 1973 году то, что не удалось генералу Л. Г. Корнилову в России в 1917 году, то их страна неотвратимо бы скатилась в пучину хаоса и красного террора, бесследно поглотившей бы все и вся – и в том числе самих этих прекраснодушных либераловгуманистов. Но, видимо, такая уж это порода людей. Благодарности от них не дождешься. Впрочем, «вернемся к нашим баранам...»

Первым исторически засвидетельствованным белым доб-

ровольческим корпусом являлся фрейкор, сформированный в портовом г. Киле – «колыбели германской революции» – в середине ноября 1918 года по инициативе известного деятеля Социал-Демократической партии Германии, депутата рейхстага Густава Носке. Этот первый социал-демократический бургомистр Киля сформировал из лояльных новому республиканскому правительству морских офицеров и матросов небольшую добровольческую часть, получившую полуофициальное название «Железная бригада» и задуманную как противовес охваченным анархией «красным матросам». Сформированную Густавом Носке Кильскую «Железную бригаду», вскоре переименованную в «1-ю военно-морскую бригаду» (командир – полковник Ганс-Эммо фон Роден), не следует путать с другой «Железной бригадой», сражавшейся против советских большевиков в Прибалтике в 1918 и прославившейся в 1919 году под названием «Железной дивизии» (о чем далее будет рассказано более подробно).

Впоследствии капитаном 3-го ранга Германом Эргардтом была сформирована 2-я (Вильгельмсгафенская), а капитаном 3-го ранга Вильгельмом Фридрихом (Вильфридом) фон Лёвенфельдом – 3-я военно-морская бригада.

21 ноября 1918 года, по инициативе фельдфебеля Густава Зуппе (см. фото, на с. 16), заместителя офицера (кандидата на офицерскую должность), на базе 2-го гвардейского полка бывшей кайзеровской армии был сформирован второй

(после Кильской «Железной бригады»), уже более многочисленный, исторически засвидетельствованный добровольческий корпус – батальон силой в 1500 штыков, вошедший в историю как под официальным названием «Унтер-офицерского батальона», так и под неофициальным и слегка ироничным названием «Гвардии Зуппе» («Suppengarde», что можно перевести с немецкого и как «Суповая гвардия»).

Третьим по счету фрейкором, сформированным в кон-

це ноября 1918 года, был добровольческий полк под командованием полковника 4-го гвардейского полка Вильгельма Рейнгарда (будущего обергруппенфюрера СС), в состав которого вошли и бойцы корпуса Густава Зуппе, так называемые «зуп-перы». Однако решающую роль в деле организации добровольческих корпусов, призванных сохранить в Германии хоть какое-то подобие закона и порядка, хотя бы до созыва учредительного Национального собрания, было суждено сыграть генерал-майору Людвигу Меркеру (см. фото на с. 17), командиру распушенной после заключения перемирия 214-й пехотной дивизии бывшей кайзеровской армии, разработавшему классическую модель, в соответствии с которой в дальнейшем было сформировано большинство наиболее боеспособных германских добровольческих корпусов. 6 декабря Меркер объявил чинам своей дивизии о своем намерении сформировать фрейкор, базой которого стал вестфальский монастырь Зальцкоттлен и формирование которого началось уже 14 декабря.

Этот сформированный исключительно из добровольцев, о чем говорило уже само его название, Добровольческий ландегерский корпус, состоявший на первых порах всего из 3 стрелковых рот (имевших на вооружении минометы) и 1 артиллерийской батареи, заявил о своей готовности служить республиканскому Временному правительству Германии, чтобы не допустить большевицкой революции. Командование сочло достаточным платить добровольцам жалова-

нь по тридцатидневному контракту, но не позаботилось об их вооружении и снаряжении. Благодаря своему непререкаемому авторитету не только среди офицерского корпуса, но и среди унтер-офицерского состава и солдат, боевой генерал Меркер без особого труда и в кратчайшие сроки набрал в новый корпус несколько тысяч добровольцев, хотя и столкнулся с немалыми сложностями в деле их обмундирования и вооружения. Склады вооружений были либо разграблены анархистствующими толпами, либо находились под контролем левых солдатских советов, не склонных удовлетворять требования «реакционного генерала».

Тем не менее, вопрос вооружения и снабжения удалось решить, хотя и с огромным трудом. В отличие от старой кайзеровской армии, где между офицерами и нижними чинами существовал резкий сословно-дисциплинарный барьер, во фрейкоре Меркера между офицерами и нижними чинами сразу же сложились узы боевого товарищества, обозначаемые в немецком языке упоминавшемся нами выше словом «камерадшафт». Впрочем, последнее было и не удивительно, с учетом того, что все добровольцы Меркера, и солдаты, и офицеры, прошли школу окопной жизни Великой войны, которая, если не совсем стерла сословно-дисциплинарные различия, то, во всяком случае, свела их к минимуму. Вторым отличием нового добровольческого формирования был его смешанный состав, нарушавший традиционное деление военных частей на пехотные, кавалерийские и артил-

лерийские. Каждое подразделение Ландъегерского корпуса (именуемого иногда в исторической литературе также «Корпусом земских стрелков») включало в себя представителей всех родов войск, что обеспечило ему необходимую гибкость в ходе предстоящих боев, которые добровольцам предстояло вести, главным образом, в городских условиях.

Пример Людвиг Меркера оказался «заразительным». В течение декабря 1918 года в окрестностях Берлина, при участии капитана Курта фон Шлейхера (будущего генерала рейхсвера и Имперского канцлера, заигрывавшего с профсоюзами и убитого эсэсовцами Генриха Гимmlера в «Ночь Длинных Ножей» 30 июня 1934 года), были сформированы полк «Потсдам» (командир – майор Франц фон Штефани), добровольческий корпус Гельда (командир – генерал фон Гельд), добровольческий корпус Гюльзена (командир – генерал-лейтенант Бернгард фон Гюльзен), Германская охранная дивизия генерала фон Висселя, Государственный стрелковый корпус генерал-майора Редера и добровольческий корпус генерала Вальтера барона фон Люттвица. Большинство этих добровольческих структур было сформировано на базе прежних регулярных армейских частей. Сохранившийся в качестве «обломка» кайзеровской армии кадр Гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии (Гардекаваллери-Шютцендивизион) под командованием генерала Генриха фон Гофмана был переведен из столицы в пригород Берлина Тельтов и доукомплектован добровольцами. Сходным образом были реорганизованы 17-я и 31-я пехотные дивизии прежней кайзеровской армии.

Примерно в то же самое время были сформированы добровольческие корпуса Лихтшлага и Россбаха, 2-я (Вильгельмсгафенская) военно-морская бригада Эргардта, 3-я во-

енноморская бригада Лёвенфельда, Железная дивизия Бишофа, Марбургский егерский корпус. Число добровольческих формирований росло по мере нарастания угрозы большевицкого переворота во всегерманском масштабе. В верхнесилезском каменноугольном бассейне в конце 1918 года также появились добровольческие корпуса, воспрепятствовавшие захвату имевших для Германии стратегическое значение шахт и горных заводов отрядами польских националистов бывшего депутата германского рейхстага поляка Адальберта Корфанты, в одночасье сменившего свое слишком «германское» имя на исконно польское «Войцех» (это отвечало «духу времени» в период, когда влияние германцев и Германии в Европе и мире казалось навсегда уничтоженным; так, например, известный деятель «белочешского» легионерского движения в России, Рудольф Гейдель, также внезапно стал именоваться на «славянский» манер «Радола Гайда»). Любопытно, что первыми немецкими добровольческими корпусами в Силезии были не подразделения «имперских немцев», а два отряда, состоявшие из австрийцев и судетских немцев под руководством австрийских офицеров, общей численностью 60 офицеров (австрийских немцев) и около 2600 унтер-офицеров и рядовых. Они были сформированы в самом конце 1918 года и на протяжении многих месяцев оказывали неоценимую поддержку германским военным властям. Что же заставило австрийцев и судетских немцев проливать свою кровь за, казалось бы, совсем чужую им

германскую Силезию?

Дело в том, что осенью 1918 года Национальное собрание Немецкой Австрии (так называлась австрийская половина распавшейся в результате военного поражения двуединой Австро-Венгерской «Дунайской» монархии Габсбургов) провозгласило слияние Австрии с Германией. Того же хотели и немцы, проживавшие с незапамятных времен в Судетской области, являвшейся до конца 1918 года частью немецкой Австрии и вдруг, ни с того ни с сего, по воле Антанты, ставшей частью свежееиспеченной Чехословакии – государства, исторически никогда не существовавшего! Но собравшееся в тихом тюрингском городке Веймаре (связанном с именами классиков немецкой литературы Гёте и Шиллера), подальше от мятежного Берлина, германское Национальное (Учредительное) собрание боялось санкций со стороны победоносной Антанты, категорически запретившей воссоединение Австрии с Германией, хотя Австрия являлась одной из коренных германских земель со времен Карла Великого и до 1866 года!

Вот почему австрийцы и немцы из Судет по зову сердца поехали воевать в, казалось бы, расположенную в «чужом» для них государстве Силезию. Когда позднее, в конце мая – начале июня 1919 года, в Силезии был поставлен решающий вопрос о подписании Версальского договора, в распоряжении германского Генерального командования в Бреслау находилось около 30 000 надежных и находившихся в состоя-

нии постоянной боеготовности войск. Их основу составляли по-прежнему добровольческие корпуса.

В южных и юго-восточных районах Берлина, где поистине неумную революционную активность, то и дело приводившую к кровавым столкновениям, проявляли главные враги республиканского правительства – левое крыло НСДПГ (Независимой Социал-Демократической партии Германии), берлинские «революционные старосты», во главе с Э. Штольце и Георгом Ледебуром, и немецкие большевики-«спартаковцы», было сконцентрировано несколько десятков верных Временному социал-демократическому правительству Эберта-Шейдемана добровольческих частей общей численностью около 10 000 штыков и сабель, имевших тяжелое вооружение, в том числе крупнокалиберные пулеметы, бронев автомобили, огнеметы, артиллерию и даже танки. Были реорганизовано Берлинское генеральное командование. Проявлявший во многих случаях нерешительность военный комендант Берлина генерал Арнольд Леки был смещен и заменен более энергичным генералом Вальтером бароном фон Люттвицем.

В Берлине по-прежнему была расквартирована находившаяся под сильным большевизским влиянием «Народная военно-морская дивизия», упорно отказывавшаяся подчиняться социал-демократическому коменданту Берлина Отто Вельсу. Эти «народные матросы», на словах пребывавшие во власти «революционных идеалов», в действитель-

ности превыше всего ценили голый материальный интерес (как, впрочем, и российские «братишки»!). Дивизией командовал «пламенный революционер товарищ Генрих Дорренбах», бывший офицер кайзеровского военно-морского флота, за недостойное поведение разжалованный еще при Императоре Вильгельме II из лейтенантов в простые матросы. Вооруженные до зубов, заменившие национальные эмблемы своей воинской формы одежды красными революционными кокардами и кумачовыми нарукавными повязками, «народные матросы» всерьез считали себя «красой и гордостью революции», свысока поглядывая на «буржуев» и других своих сограждан, казавшихся им «менее революционными», и были в первых рядах «борцов за свободу», избивавших на улицах и в казармах «реакционное офицерье» и срывавших с ветеранов войны погоны и заслуженные боевые награды. Вдобавок берлинцы жаловались на матросов за их склонность к «экспроприации экспроприаторов» (по меткому выражению тов. Ульянова-Ленина), то есть к элементарному воровству. А ведь эти «пламенные революционеры» были расквартированы не где-нибудь, а в Берлинском дворце прусских королей (как все похоже на историю с «героическим» штурмом Зимнего «братишками» с «Авроры»!).

Когда правительство Эберта-Шейдемана приказало распоясавшимся матросикам покинуть дворец, те в качестве «отступного» потребовали выплатить им предварительно за уход 80 миллионов марок «компенсации»(!). Получив ре-

шительный отказ, «народные матросы», недолго думая, напали на коменданта Берлина Отто Вельса (члена правления СДПГ!) в его собственном служебном кабинете, избили и взяли заложником. Правительству Фридриха Эберта пришлось двинуть войска на штурм бывшей королевской конюшни – центра обороны засевших во дворце «братишек» товарища Дорренбаха. 24 декабря 1918 года жители Берлина стали свидетелями форменного уличного сражения, развернувшегося между солдатами-фронтовиками и «Народной военно-морской дивизией». В боевых действиях на стороне последней против правительственных войск приняли участие и вооруженные формирования «спартаковских» боевиков. С обеих сторон только убитыми насчитывалось 29 человек. Перепуганное не на шутку правительство Эберта пошло на уступки взбунтовавшимся матросам и заплатило им отступные, в обмен на клятвенное обещание больше не бунтовать. «Орлы-матросики» некоторое время держали данное «буржуям» слово, пока не вмешались в столкновение между правительством и левыми радикалами в январе 1919 года. Это вмешательство оказалось для них роковым. Сам товарищ Дорренбах был убит в уличной стычке в мае 1919 года.

27 декабря 1918 года старый социал-демократ и заслуженный депутат германского рейхстага Густав Носке – создатель первого добровольческого корпуса в Киле – был назначен военным министром. 29 декабря социал-демократи-

ческое правительство Германской республики приняло решение о насильственном разоружении немецких «большевиков» – сторонников Коммунистической Партии Германии (основанной на базе «Союза Спартака» по указанию кремлевского эмиссара Карла Собельсона-Радека), «Союза красных солдат», «Народной военно-морской дивизии», Независимой Социал-Демократической партии Германии (НСДПГ) и др. «Союз Спартака» («Шпартакусбунд») был основан еще 11 ноября 1918 года. Его возглавляли пламенные пролетарские интернационалисты (как водится, отнюдь не пролетарского происхождения) товарищи Карл Либкнехт, Роза Люксембург (она же Рейза Гольдман), Лео Йогихес, Клара Цеткин и Пауль Леви.

Наряду с распространявшейся самими «спартаковцами» официальной версией происхождения названия их организации, связанной с именем античного гладиатора Спартака, восставшего против власти Римской республики в I веке до Р. Х., существует и другая версия, более похожая на правду, согласно которой германский «Спартак» был назван в честь основателя тайного парамасонского Ордена иллюминатов – выкреста и выученика иезуитов Адама Вейсгаупта, также носившего псевдоним «Спартак» и еще в конце XVIII века готовившего «свержение тронов и алтарей во всемирном масштабе». 29 декабря 1918 года «Союз Спартака» был переименован в Коммунистическую партию Германии (КПГ). «Спартаковцы», среди которых преобладал тип безоглядно-

го «фанатика революции во что бы то ни стало», получали всемерную поддержку от завладевших Россией большевиков, что послужило причиной разрыва германо-советских дипломатических отношений и высылки из Германии большевицкого полпреда Адольфа Иоффе – одного из «отцов» грабительского в отношении России Брестского мира.

Фактически «спартаковцы» ни на минуту не признавали социал-демократическое правительство Германии (идя в этом, как и во всех других, вопросах, всецело по стопам российских большевиков с их направленным против Временного правительства лозунгом: «Долой министров-капиталистов»!) – еще 9 ноября 1918 года, когда правый соци-

ал-демократ Филипп Шейдеман провозгласил Германию демократической республикой (и сам стал ее первым канцлером), левый социал-демократ Карл Либкнехт, в противовес СДПГ, в тот же день провозгласил в Берлине советскую социалистическую республику. Присутствовавший на учредительном съезде КПП, вместе с четырьмя другими высокопоставленными большевицкими делегатами из Москвы, советский эмиссар К. Б. Радек – личный представитель В. И. Ульянова-Ленина – призвал германских коммунистов бойкотировать предстоящие выборы в Национальное собрание и выразил надежду, что «скоро в Берлине будет заседать международный Совет рабочих депутатов и русские рабочие будут совместно с немецкими сражаться на Рейне, а немецкие совместно с русскими – на Урале» (то есть против белых войск Верховного Правителя России адмирала А. В. Колчака).

«Спартакowцы» и иже с ними поспешно готовились к выступлению, чтобы предотвратить заведомо негативный для них результат выборов в Национальное собрание и, взяв власть вооруженной рукой, разогнать последнее, как большевики Ленина-Троцкого-Свердлова разогнали Учредительное собрание в России («Караул устал! Все расходитесь по домам!»). Однако вышло все иначе.

4 января 1919 года президент Германии Фридрих Эберт и его военный министр Густав Носке посетили военный лагерь добровольцев Цоссен и убедились в боеспособности фрейкоровцев, которых коммунисты, по аналогии с российскими

реалиями того времени, сразу окрестили «белыми».

Сами добровольцы, кстати, охотно приняли это название. Ведь многие из них успели повоевать в Финляндии и Прибалтике против красных на стороне тамошних белых. Они носили на рукавах своих обычных армейских мундиров и шинелей цвета «фельдграу» («серо-полевого цвета») белые повязки (нередко – просто носовые платки) или белые «углы»-шевроны (как, например, добровольцы Гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии); обводили свои стальные каски белыми полосками по окружности или же рисовали на них (а также на грузовиках, броневиках и танках) масляной краской (а порой и просто мелом) белую «Адамову голову», то есть череп с перекрещенными костями (именуемую, согласно немецкой традиции, также «мертвой головой»), или оперенную стрелу, а добровольцы, сражавшиеся против красных в Финляндии и Прибалтике (в частности, бойцы 2-й военно-морской бригады Эргардта, 3-й военно-морской бригады фон Левенфельда и добровольческого корпуса Мансфельда) – белую свастику (так называемый «громовый крест»), перенятую ими у латышей и финнов, в чьей национальной символике свастика играла важную роль – у финнов – как «крест свободы», у латышей – как «крест Перкона» («Perkonkrusts»), или «огненный крест» («ugunskrusts»). У финнов свастика – «гакаристи» («хакаристи») традиционно играла столь важную роль, что вошла даже в штандарт президента Финляндии, высший орден – Крест Свободы

(Крест Маннергейма) и Большую цепь второго по значению государственной награды – Ордена Белой Розы Финляндии (откуда была удалена и заменена двенадцатилистником только в 1963 году!). Древний латышский бог-громовец Перкон (Перконс) соответствовал древнеславянскому Перуну и древнему литовскому Перкунасу; в 20-40 годы в независимой Латвийской республике даже существовала военизированная антисемитская организация «Перконкрустс» («Громовый крест»), использовавшая в качестве символа свастику.

Кроме изображений Железного креста (перенятых от бронетанковых частей кайзеровской армии времен Первой мировой войны), свастик самых разных видов («гамматических крестов», «солнечных колес» и пр.) и «Адамовых голов», на добровольческих броневиках часто было написано белой масляной краской «Бронеотряд верных правительству войск».

В общем и целом, белые добровольческие корпуса не имели какой-то единообразной структуры. Большинство из них было сформировано в первые месяцы 1919 и расформировано в начале 1920 года. Некоторые из них просуществовали в качестве самостоятельных боевых единиц всего лишь на протяжении нескольких недель, после чего влились в состав более крупных соединений. Многие фрейкоры возникли как исключительно локальные организации для защиты местного населения, имели чисто местное значение и были

распущены после восстановления закона и порядка в своем родном городе или районе. Тем не менее, представляется возможным предпринять попытку классификации фрейкоров по нескольким категориям.

2. Германские белые добровольческие части I категории

К I категории могут быть отнесены крупнейшие по численности добровольческие корпуса, сформированные генералами или полковниками бывшей кайзеровской армии и достигавшие порой численности бригады или даже дивизии, т. е. насчитывавших в своем составе много тысяч штыков и сабель, собственные артиллерийские и инженерные части, бронетехнику, авиацию и т. д. Большинство фрейкоров этой I категории были сформированы на основе бывших регулярных частей кайзеровской армии. К их числу можно отнести, например, Баварский стрелковый корпус (Добровольческий корпус фон Эппа), Баденское народное войско, Германскую охранную дивизию, Гвардейскую кавалерийскую стрелковую дивизию, Железную дивизию, Добровольческий отряд Гааза, Добровольческий корпус Гельда, Добровольческий ландгегерский корпус, Добровольческий корпус земских стрелков, Полк Охранных войск (переименованный со временем в Охранную дивизию) фон Леттов-Форбека и др. Благодаря своей военной мощи, эти добровольческие корпуса принимали участие в боевых действиях по всей охваченной смутой Германии.

Командовавшие ими генералы и офицеры придерживались откровенно монархических или, во всяком случае, кон-

сервативных взглядов и не испытывали никаких симпатий к правительству Эберта-Шейдемана и республиканской форме правления вообще. Тем не менее, они не выходили за рамки Устава и защищали существующий строй, опасаясь нарастания хаоса, большевицкого переворота и распада Германии, в случае падения Временного правительства. Большинство возглавляемых ими добровольческих корпусов было с течением времени включено в состав новых республиканских вооруженных сил (рейхсвера).

Единственным исключением среди военачальников явился генерал Пауль фон Леттов-Форбек, в 1914-1919 гг. долго и успешно сопротивлявшийся английским и южноафриканским войскам в Германской Восточной Африке и закончивший Великую войну, фактически, непобежденным.

Возвратившись в Германию после заключения перемирия в 1918 года, он, благодаря своему высочайшему реноме среди военных, сумел быстро сформировать добровольческий корпус своего имени (выделявшийся среди других фрейкоров наличием в его рядах настоящего негра из Африки – личного водителя командира корпуса – прошедшего вместе с генералом фон Леттов-Форбеком «огонь, воду и медные трубы!»), но оказался, в конечном счете, неспособным адаптироваться к новой республиканской действительности и был отправлен в отставку после право-консервативного «путча Каппа фон Люттвица» (известного также как «Капповский путч») в апреле 1920 года.

По своей ударной мощи, боеспособности и численности в данную I категорию фрейкоров могли бы быть зачислены и 3 белые добровольческие военно-морские бригады – фон Родена (1-я), Эргардта (2-я) и фон Лёвенфельда (3-я), если бы в них (особенно в бригадах Эргардта и фон Лёвенфельда) не господствовал гораздо более ярко выраженный дух антиреспубликанизма и политического радикализма, чем в остальных добровольческих корпусах I категории.

3. Германские белые добровольческие части II категории

II категорию составляло большинство белых добровольческих корпусов, сформированных в разных городах и районах стихийно, «снизу», по инициативе местного населения, с целью защиты общественного порядка и спокойствия от большевицких поползновений «спартаковцев» и анархистов-коммунистов. Они были не столь многочисленными, как фрейкоры I категории, редко когда превышая по численности батальон или полк и насчитывая, как правило, от 200 до 1000 бойцов. Само существование их было обычно недолгим. В отличие от многочисленных добровольческих корпусов, отнесенных нами к I категории, они включали в свой состав не только солдат-фронтовиков, но и добровольцев из числа гражданских лиц (по преимуществу студентов и учащихся).

Чаще всего, они брали себе название по месту формирования (например: Добровольческий корпус «Бамберг», добровольческие корпуса «Байрейт», «Бодензее», «Химгау», «Дюссельдорф», «Эрланген», «Геттинген», «Галле», «Гессен», «Ландсберг», «Мюнстерланд», «Ольденбург», «Пассау», «Регенсбург», «Шлезвиг-Гольштейн», «Вюрцбург» и т. д.). Иногда эти добровольческие части именовались не «добровольческими корпусами», а иначе, например: Охранный

отряд «Баренфельд» (Гамбург) или «Вестфальский егерский корпус» и т. п. Некоторые из этих местных формирований, поначалу не отличавшихся большой численностью, со временем превращались в крупные воинские части. Так, например, «Вюртембергская рота безопасности», несмотря на то, что продолжала именоваться «ротой», к моменту своего зачисления в ряды рейхсвера состояла из 10 батальонов, 8 артиллерийских батарей и 3 авиационных эскадрилий!

Тем не менее, подобные «локальные» фрейкоры, созданные для решения местных задач, как правило, не действовали далеко от мест своего формирования. Но бывали и исключения. Так, добровольческий корпус «Оберланд» (позднее переименованный в Союз «Оберланд»), сформированный в Верхней Баварии, принимал участие в боевых действиях далеко от родных мест – например, в Силезии. И он вовсе не был в этом плане единственным исключением – Гессенско-тюрингско-вальдекский добровольческий корпус также сражался в Силезии, а Баденский штурмовой батальон принимал активное участие в боевых действиях в Прибалтике, в том числе даже в составе белой Русской Западной Добровольческой Армии князя П. М. Авалова (Бермондта)!

В качестве отдельной подгруппы в составе этой II категории фрейкоров можно выделить местные отряды самообороны, сформированные в приграничных районах Германии – такие, как Верхнесилезский егерский добровольческий корпус, Саксонская пограничная егерская бригада, Восточно-

пруссский егерский добровольческий корпус или Западно-пруссский добровольческий корпус «Крепость Торн», долго и успешно оборонявший г. Торн (Торунь) от поляков.

4. Германские белые добровольческие части III категории

К III категории могут быть причислены добровольческие корпуса, сформированные и руководимые молодыми фронтовыми офицерами, обычно в небольших чинах. Эти соединения чаще всего достигали размеров усиленной роты, реже – батальона, совсем редко – размеров полка. В отличие от добровольческих частей I категории, находившихся под командованием генералов или полковников умеренно-консервативных взглядов, и фрейкоров II категории (являвшихся, по сути дела, обычными отрядами местной самообороны), в добровольческие корпуса III категории стекались наиболее праворадикально настроенные офицеры и солдаты. Это были, как правило, фронтовики, прошедшие горнило Великой войны и считавшие германскую армию отнюдь не побежденной войсками Антанты на поле боя, но подло преданной продажными политиками, окопавшимися в тылу. Республиканское правительство Фридриха Эберта эти добровольцы ненавидели еще и за то, что оно подписало унижительный, грабительский Версальский договор, отдавший, по их мнению, Германию на растерзание державам Антанты.

Когда в Германии разразилась Ноябрьская революция, а кайзер Вильгельм II Гогенцоллерн отрекся от престола и удалился в изгнание (предусмотрительно освободив при этом

военнослужащих, и, в первую очередь – офицерский корпус – от присяги, принесенной ему как монарху и Верховному Главнокомандующему), многие представители консервативно-монархически настроенной военной верхушки, для которых олицетворением государства и армии являлся, прежде всего, монарх, предпочли самоустраниться (по крайней мере, на время) из активной военной и общественно-политической жизни. Образовавшийся вакуум сразу же заполнили энергичные «нацмальчики» (употребляя терминологию русской белой эмиграции) – молодые лейтенанты и капитаны, как правило, не являвшиеся отпрысками военно-аристократической касты, заслужившие свои офицерские звездочки на фронте, пришедшие прямо из окопов и начавшие собирать вокруг себя солдат, готовых продолжать сражаться даже в новых условиях. Именно для этих формирований был характерен подлинный, классический «фрейковровский дух», однако именно их «взрывоопасные» идеи нередко приводили к ослаблению внутривойсковых позиций добровольческого движения в целом. С одной стороны, они пугали правительство Фридриха Эберта своим правым радикализмом (порой, как мы увидим, плавно, а то и резко, переходившим в левый – что можно продемонстрировать хотя бы на примере руководителя добровольческого корпуса «Оберланд» Йозефа «Беппо» Ремера). С другой стороны, руководители фрейкоров этой III категории не пользовались и особым доверием старого, имевшего еще кайзеровскую «заквас-

ку» германского генералитета и придерживавшегося преимущественно монархических взглядов кадрового офицерства, поскольку эти вожди добровольцев, да и большинство их «ландскнехтов», лишены каких бы то ни было иллюзий относительно политического и военного руководства Германии (как прежнего, приведшего Германию к военно-политической катастрофе, так и современного, продолжавшего, по их мнению, эту катастрофу усугублять), не признавали над собой никаких авторитетов (хотя при этом «ландскнехты», естественно, признавали авторитет командиров своего добровольческого корпуса). В результате, фрейкоры III категории не были способны к самостоятельному долгосрочному объединению в крупные части, подобные фрейкорам I категории.

Иногда это приводило попросту к военной анархии, как, например, в случае с летучим добровольческим отрядом лейтенанта Отто Гольдфельда, входившего в состав Балтийского ландесвера в 1919 году. Этот командир кавалерийского патрульного отряда «Курляндия», первоначально сражавшийся плечом к плечу с другими белыми добровольцами из Германии на стороне балто-немецкого ландесвера («Охраны Прибалтийского края») против Красной Армии в Латвии, а затем против «белых» латышей и эстонцев, поссорившись с командованием ландесвера, перешел с частью своего фрейкора на сторону противника – «белых» латышей полковника Йорг(ис)а Земитан(с)а и повернул оружие против сво-

их прежних соратников. Особенно «прославился» летучий отряд Гольдфельда (прослужившего всю мировую войну в баварской тяжелой кавалерии!) нападениями на германских добровольцев при их отходе из Курляндии. После окончания кампании в Прибалтике на базе добровольческого корпуса Гольдфельда был сформирован латышский кавалерийский полк, командиром которого был назначен Гольдфельд, получивший чин подполковника латвийской армии (хотя новый латышский полк при этом сохранил желтый приборный цвет того баварского кавалерийского полка, в котором Гольдфельд служил в Великую войну!). После ввода советских войск в Латвию в 1939 году и провозглашения этой бывшей прибалтийской губернии Российской империи «Латвийской Советской Социалистической Республикой» перебежчик Гольдфельд (успевший к тому времени сменить свою фамилию на латышскую) был арестован органами НКВД и вскоре расстрелян как контрреволюционер. Но это так, к слову...

То обстоятельство, что офицер-изменник Гольдфельд имел еврейское происхождение, немало повредило репутации других германских офицеров еврейского происхождения (в большинстве своем честно исполнявшим свой солдатский долг перед германским Отечеством) и нещадно эксплуатировалось националистами-антисемитами в юдофобской пропаганде. Тем не менее, подобные случаи являлись скорее исключением, чем правилом, и при серьезной опасно-

сти для страны командиры мелких добровольческих корпусов без колебаний подчинялись опытным генералам рейхсвера и выполняли их приказания вплоть до ликвидации военной угрозы.

Некоторые из добровольческих корпусов III категории, не будучи, в целом настроенными монархически, тем не менее, считали себя продолжателями традиций частей прежней кайзеровской армии – например, гвардейских полков, и именовались по ним, или же по своим гарнизонным городам (например, Добровольческий корпус «Потсдам»). В некото-

рых случаях добровольческие корпуса получали свое название от традиционного боевого клича тех частей бывшей регулярной армии, на базе которых они были сформированы. Так, например, добровольческий корпус «Гаккетау», сформированный на базе прежнего прусского 16-го пехотного полка, получил свое название от старинного, сохранившегося еще со времен Освободительной войны 1813 года против Наполеона, боевого клича этого полка: «Гакке тау!», то есть: «Бей!». Но чаще всего фрейкоры именовались по своим «отцам-командирам». Так, например, добровольческий корпус, сформированный капитаном Отто Лихтшлагом, именовался «Фрейкор Лихтшлаг(а)»; добровольческий корпус, сформированный старшим лейтенантом Гергардом Россбахом – «фрейкор Россбах(а)», добровольческий корпус, сформированный майором Гансом фон Лютцовым – «фрейкор Лютцов(а)» и т. д. Данный факт являлся, пожалуй, наиболее наглядным выражением тесной привязанности добровольцев к своим военным предводителям (как правило, харизматическим личностям – заслуженным боевым офицерам, осыпанным наградами, несмотря на свою молодость), привязанности, подобной чувству верности и преданности, испытываемой средневековыми дружинниками к своим князьям.

Наиболее типичными представителями этой весьма многочисленной III категории добровольческих корпусов были фрейкоры фон Аулока, фон Брандиса, фон Браузе, Брюссова, Дибича, Дона, Фаупеля, «Гёрлиц», Габке, Гюбнера, Гю-

никена, фон Клевица, Кюме, Лихтшлага, фон Либермана, Лирау, Лифтля, фон Лютцова, фон Медема, Негенборна, Остеррота, фон Офена, Паульсена, фон Петерсдорфа, Печа, фон Пфэффера, фон Плеве, Северина, Тюммеля и Вольфа. «Добровольческий штурмовой отряд Россбаха», возникший по схеме формирования фрейкоров I категории, со временем, как будет описано далее, превратился в типичный фрейкор III категории. И такие примеры были не единичны.

Чаще в названии подразделения фамилия командира следовала за определением «добровольческий корпус», но встречались и иные наименования – например «отряд» (Абтейлунг), «добровольческий отряд» (Фрейвиллиген-Абтейлунг) или «добровольческий батальон» (Фрейвиллиген-Батальон). Так назывались отряды, сформированные бывшими офицерами кайзеровской армии фон Бюловым, Дортенлейтнером, Глассером, Генке, Шаафом, Шадом, фон Шауротом, Фойгтлейтнером (по другим данным – Фойтенлейтнером), фон Вальтценом и Вильдермутом. Термин «полк» («регIMENT») для обозначения добровольческих частей использовался довольно редко – например, «Добровольческий полк Тюльмана». Частица «штурм», напоминавшая о штурмовых атаках периода мировой войны, присутствовала в названии многих добровольческих частей – таких, как «Штурмовой батальон Шмидта», «Штурмовой батальон Гейнца» или «Штурмовой отряд Россбаха». Термин «штурмовой отряд», сокращенно «СА» – изобретение времен Великой вой-

ны – позднее был взят на вооружение германскими национал-социалистами, также называвшими свою «партийную гвардию» штурмовыми отрядами, или просто «штурмовиками».

У их противников – германских коммунистов – кстати, также со временем появились собственные штурмовые отряды – «Союз Красных Фронтовиков» (СКФ), именовавшийся по-немецки «Ротер Фронткемпфербунд» (РФБ), или, сокращенно, «Рот Фронт» (РФ), со своими молодежными военизированными подразделениями штурмовиков – «Юнг-Штурм» и «Молодой Спартак» (нем.: «Юнг-Шпартакус»), носившие защитные или темно-синие фуражки-«тельмановки» (названные так по имени одного из лидеров КПГ – Эрнста Тельмана) и перехваченные ремнем с португеей полувоенные защитные гимнастерки с отложным воротником и круглой красной нашивкой (или нарукавной повязкой) с изображением сжатого кулака на левом предплечье (приветствием у коммунистов и прочих германских левых служила поднятие до уровня плеча согнутой в локте правой руки со сжатым «пролетарским» кулаком). Эта форма германских красных, под названием «юнгштурмовка», в 20-х-30-х гг. XX века пользовалась популярностью и у советских большевиков, в особенности членов «КИМ» («Коммунистического Интернационала Молодежи»), а позднее – комсомола («Коммунистического Союза Молодежи»).

Касаясь этой темы, следует также упомянуть и о нали-

чий собственных военизированных штурмовых отрядов у Социал-Демократической партии Германии. Они именовались «Черно-Красно-Золотой Имперский Стяг» («Рейхсбаннер Шварц-Рот-Гольд»), сокращенно: «Рейхсбаннер» и временами достигала численности в 1 миллион активных бойцов, также носивших защитную полувоенную форму с защитными фуражками, бриджами, сапогами или ботинками с крагами (нем.: «ледергамашен») или с обмотками (нем.: «виккельгамашен»). Противники «Рейхсбаннера» иронично – по созвучию, именовали его бойцов «имперскими бананами» («Рейх-сбананен»). Имелась у СДПГ и своя собственная молодежная организация – «Соколы» («Фалькен»), или «Красные Соколы» («Роте Фалькен») – выступавшая под красным знаменем с белым контурным изображением сокола. Этим левых «соколов» не следует путать с право-националистической организацией, имевшей сходное название – «Орлы и соколы» («Адлер унд Фалькен»).

Добровольческий корпус фон Нефвилля, как бы в противовес злейшим врагом фрейкоровцев – спартаковцам-красногвардейцам – именовался «Черной гвардией» («Шварце Гарде»). Нам, как русским людям, не лишенным интереса представляется факт существования в Баварии фрейкора под названием «Черная сотня» («Шварце Гундертшафт»), снискавшей себе известность не столько победами над красными на поле боя, сколько «клиринговыми» убийствами «спартаковцев» (совершавшимися в отместку за убийства

фрейкоровцев или их сторонников красными боевиками). Иногда в названиях фрейкоров использовалось и архаичное, напоминающее о героических временах германского Средневековья слово «шар», которое можно перевести как «ватага» – например, «Фрейшар (добровольческая ватага) Лаутербахера», или же «Эйзерне Шар» (Железная ватага) капитана Рудольфа Бертольда (которую в русскоязычной военно-исторической литературе обычно именуют не «ватагой», а «Железным отрядом»). И, наконец, в этой III категории фрейкоров были и такие, которые именовали себя по фамилии Верховного Главнокомандующего германской кайзеровской армией в годы мировой войны – например, добровольческий корпус «Гинденбург» или фрейкор «Генерал-фельдмаршал фон Гинденбург»!

Добровольческие соединения, формировавшиеся на территории Немецкой Австрии, именовались «геймверами» (в русской литературе существует и написание «хаймверы»), что буквально означает в переводе с немецкого «охрана родного дома». Особенную известность snискали себе «геймверы» князя Эрнста-Рюдигера фон Штаремберга, успешно сражавшиеся с отрядами социал-демократического австрийского «Шуцбунда» («Охранного союза»). «Геймверами» именовались также добровольческие корпуса, сформированные в 1923 году на территории Рейнских провинций Германии и боровшиеся с тамошними сепаратистами, пытавшимися, при поддержке франко-бельгийских оккупаци-

онных властей, отделить Рейнскую область от Германии, провозгласив на ней зависимую от Франции марионеточную «Рейнскую республику».

Не все командиры добровольческих корпусов были армейскими офицерами. Многие из них в годы мировой войны служили в военном флоте – например, капитан 3 ранга Герман Эргардт (командир 2-й Вильгельмсгафенской военно-морской бригады), или капитан 3-го ранга Ганс Кольбе (командир 1-го батальона 5-го военно-морского полка). Прославленный подводный «ас» Императорского военно-морского флота, самый успешный из всех командиров германских субмарин за все годы Великой войны капитан-лейтенант (впоследствии – капитан 3-го ранга) Лотар фон Арно де ла Перьер (потопивший 194 неприятельских корабля общим тоннажем 453 716 тонн) был организатором и командиром сухопутного штурмового батальона своего имени, со временем влившегося в 3-ю военно-морскую бригаду фон Лёвенфельда.

Упомянутый выше капитан Рудольф Бертольд (один из наиболее известных и харизматических предводителей германских белых добровольцев) прославился в годы мировой войны как военный летчик-истребитель, одержавший 44 воздушные победы и награжденный за свои подвиги высшим прусским королевским орденом «За заслуги» (нем.: «Пур ле Мерит»), именуемым в просторечии «синий Макс» (за синий цвет шейного орденского креста). Несмотря на много-

численные ранения, Бертольд (по существу, превращенный в калеку!) отказался демобилизоваться и продолжал участвовать в боевых вылетах на «Фоккере Д VII», специально приспособленном для того, чтобы его мог пилотировать искалеченный воздушный ас. После Ноябрьской революции Бертольд сформировал свой собственный добровольческий корпус – упомянутый выше «Железный отряд (Франконский крестьянский отдельный отряд специального назначения)» – и участвовал во главе этого формирования в многочисленных боях, как в Германии, так и в Прибалтике. Во время «Капповского путча» присоединившийся к путчистам отряд Бертольда оказался изолированным превосходящими силами красных в Гарбурге (близ Гамбурга). После кровопролитного боя окруженная со всех сторон «Железная ватага» была истреблена до последнего человека, а сам Бертольд, не пожелавший отдать красным своего ордена, зверски умерщвлен «спартаковцами» – задушен лентой своего «синего Макса», обезглавлен и изрезан на куски.

Боевой путь многих фрейкоров данной III категории был совсем недолгим. Но некоторые из них постоянно наращивали свою численность и боевую мощь – например, прославленный Штурмовой отряд Россбаха, на пике своего развития насчитывавший более 7000 активных штыков и сабель. А добровольческий корпус Гюльзена в 1919 году включал в свой состав три отряда особого назначения (графа Штильфрида, Гроте и фон Офена), добровольческий бата-

льон Остеррота, пулеметный отряд, кавалерийский отряд, отряд полевой артиллерии и 432-й авиационный отряд – в общей сложности 13 257 штыков и сабель!

5. Обмундирование

Несколько слов об обмундировании германских добровольцев и частей рейхсвера вообще. Как правило, они носили серо-полевую форму кайзеровской армии, хотя, судя по воспоминаниям участников добровольческого движения, нередко заменяли недостающие или пришедшие в негодность части обмундирования предметами штатской одежды. Правительство Фридриха Эберта, учитывая ненависть германских левых к погонам как символам «проклятого старого режима», первоначально отменило их в республиканских «сухопутных силах мирного времени», как именовалась германская армия после Ноябрьской революции (приказом по армии №85 от 19 января 1919 года) заменив их узкими погонными полосками защитного цвета с красным номером части для всех чинов и нашивками в форме синих полосок на рукавах, к которым со временем добавились узкие погонные полоски защитного цвета (нем.: «шультерштрейфен») с красным номером части на плечах.

Унтер-офицеры носили синие нарукавные полоски выше локтя, а офицеры – ниже локтя, над обшлагом. Синие нарукавные полоски были разной ширины, в зависимости от чина. Узкие синие полоски на плече носили:

Унтер-офицер: 1 полоску;

Унтер-фельдфебель/фенрих (в кавалерии): 2 полоски;

Вице-фельдфебель: 3 полосы;

Фельдфебель/кандидат в офицеры/вахмистр (в кавалерии): 4 полосы;

Офицеры носили синие нарукавные полосы, к которым нередко прикрепляли металлический номер своей части, не на плече, а ниже локтя, над обшлагом:

Лейтенант: 1 средней ширины синюю полосу;

Старший лейтенант (обер-лейтенант): 1 средней ширины синюю полосу и 1 узкую над ней;

Капитан (гауптман): 1 средней ширины полосу и 2 узкие над ней;

Майор: 1 широкую синюю полосу;

Подполковник (оберст-лейтенант): 1 широкую синюю полосу и 1 узкую над ней;

Полковник (оберст): 1 широкую синюю полосу и 2 узкие над ней;

Генерал-майор: 1 синюю полосу, более широкую, чем широкая полоска у полковника;

Генерал-лейтенант: 1 такую же широкую полосу, как у генерал-майора, и 1 узкую над ней;

Генерал (от инфантерии и пр.): 1 такую же широкую полосу, как у генерал-лейтенанта, и 2 узкие над ней.

Многие офицеры-фронтовики отрицательно относились к этим новомодным синим полоскам, введенным, по их мнению, «тыловыми крысами» (которых многие называли еще резче – «ноябрьскими преступниками», и даже совсем неди-

пломатично – «красными ноябрьскими свиньями», а то и того пуще – «красными еврейскими холопами»!) с единственной целью унижить лишний раз ненавистный им «реакционный» офицерский корпус германских вооруженных сил – причем одновременно с отменой новым республиканским правительством Германии (очевидно, шедшим в этом плане по стопам московских большевиков!) не только прежней кайзеровской наградной системы, но и государственных наград вообще.

Так, мемуаристы донесли до нас следующий эпизод. Когда Фридрих Эберт в декабре 1918 года включил упоминавшегося нами выше бывшего кайзеровского генерала Ганса-Георга Рейнгардта в республиканское правительство в качестве военного министра, тот организовал в зале Берлинской филармонии большой митинг, с намерением призвать фронтовых офицеров к поддержке нового правительства и его указа, предписывавшего всем офицерам снять кайзеровские знаки различия и надеть вместо прежних погон упомянутые выше синие полоски. Сам генерал поспешил сделать это первым и появился на сцене с синими полосками на рукавах, без погон и даже без боевых наград (социал-демократическое правительство, наряду с погонами, поспешило отменить также ношение орденов и медалей – опять-таки как ненавистных символов «проклятого прошлого»!). Когда Рейнгардт закончил свое обращение, на сцену из зала неожиданно поднялся известный воздушный ас Герман Геринг, командир авиа-

полка «Рихтгофен», одетый по полной форме кайзеровских военно-воздушных сил, с капитанскими звездочками на серебряных погонах, лазурным мальтийским крестом прусского военного ордена «За заслуги» (именуемым шутливо «Синим Максом») на шее и другими знаками отличия.

Обратившись к явно приведенному его появлением в замешательство Рейнгардту, Геринг сказал:

– Я догадывался, господин генерал, что Вы, как военный министр, придете сюда, чтобы выступить перед нами. Но я надеялся увидеть на Вашем рукаве черную повязку в знак Вашего глубокого сожаления по поводу тягчайшего оскорбления, которое Вы собирались нам здесь нанести. Вместо этого я вижу на Вашем рукаве не черную повязку, а синие полоски. Я думаю, господин генерал, Вам было бы уместнее надеть не синие, а красные нашивки!

Генерал Рейнгардт не нашел, что ответить. А Геринг, подождав, пока стихнут аплодисменты собравшихся в зале фронтовиков, продолжал:

– Четыре года мы, фронтовые офицеры, исполняли наш долг и рисковали жизнями во имя Родины. Теперь мы вернулись домой – и как же нас встретили? В нас плюют и отнимают у нас то, что мы с гордостью носим. Хочу подчеркнуть, что не народ следует винить за такое обращение с нами. Все эти четыре года народ был нашим другом, другом каждого из нас, независимо от классовой принадлежности. Нет, виноват тот, кто стал подстрекать народ к бунту, кто вонзил

нож в спину нашей славной армии и кто думает только о том, как бы захватить власть и жиреть за счет народа. Я прошу каждого из собравшихся здесь хранить в себе ненависть... к этим свиньям, оскорбляющим германский народ и наши традиции. Придет день, и мы вышвырнем их вон из Германии. Готовьтесь к этому дню. Вооружайтесь для этого дня. Приближайте этот день.

Надо сказать, что Герман Геринг нападал на «ноябрьских свиней» не только словесно. 11 ноября 1918 года, в день подписания перемирия с Антантой, 5 пилотов авиаполка «Рихтгофен», по пути в г. Страсбург для переговоров с французами о передаче тем всех аэропланов полка, из-за тяжелых погодных условий совершили вынужденную посадку в г. Мангейме. Выбравшись из самолетов, пилоты увидели красный флаг мировой революции над управлением аэродрома и приближавшихся к ним солдат и увешанных оружием штатских с красными повязками и шарфами. К тому времени г. Мангейм уже находился во власти революционного Совета рабочих и солдатских депутатов, копивших оружие для предстоящей борьбы за власть. Спартаковцы немедленно отняли у пилотов их табельное оружие – пистолеты, сняли с аэропланов пулеметы и с большой неохотой предоставили разоруженным летчикам грузовик для возвращения в г. Дармштадт, где находился их командир полка Герман Геринг.

Узнав об этом безобразном инциденте, Геринг решил проучить «рачьих и собачьих депутатов» как следует. Он

быстро организовал звено из 9 аэропланов, посадив на пару из них 2 пилотов из числа побывавших в Мангейме, тщательно проинструктировал всех авиаторов, и звено вылетело в Мангейм. В то время, как 7 аэропланов, снизившись, стали на бреющем полете расстреливать здания и разные постройки, хищно кружа над летным полем и совершая крутые виражи, оба успевших побывать в плену у «спартаковцев» пилота плавно приземлились, высадились и потребовали от Совета рабочих и солдатских депутатов принести письменные извинения, добавив, что иначе в дело вступят все остальные самолеты звена, и тогда в означенном районе будет безжалостно расстреляно все, что движается или шевелится. Указав на аэроплан Геринга, один из пилотов предупредил, что тот согласен ждать не более 5 минут, и достал ракетницу, с намерением выпустить ракету, как сигнал к началу бойни, в случае отказа.

«Спартаковцы – смелые бойцы» незамедлительно приняли ультиматум, написали извинение по всей форме, вернули летчикам захваченное оружие, и авиаполк благополучно вернулся в Дармштадт. Кстати, Геринг с подчиненными так и не отдал французам своих боевых машин, намеренно испортив их. Сохранилась фотография тех бурных лет, запечатлевшая будущего «Имперского маршала» гитлеровского Третьего рейха в характерной для многих бойцов белых добровольческих корпусов полувоенной форме, которую немцы окрестили метким словом «разбойничье штат-

ское» («ройберцивиль»). На этом фото Герман Геринг изображен в стальной солдатской каске (образца 1916 года) с нарисованной на ней белой масляной краской левосторонней (именуемой также «лунной», или «женской») свастикой («ломаным», «крюковидным» или «гамматическим», крестом), в кожаном пальто, подпоясанном офицерским ремнем и перехлестнутом через плечо португеей, с украшенной изображением свастики в белом круге и обозначающими звание горизонтальными полосками повязкой на левом рукаве и с мальтийским крестом высшего прусского военного ордена «За заслуги» на шее.

Вопреки вышеперечисленным республиканским нововведениям, многие чины фрейкоров, особенно офицеры, продолжали носить свои награды и прежние погоны времен монархии. Круглая имперская черно-бело-красная кокарда на околыше фуражки или бескозырки была заменена черно-красно-золотой республиканской, окруженной у офицеров венком из дубовых листьев, но носившиеся на тулье круглые «земельные (земские) кокарды» (цветов отдельных германских земель – Пруссии, Баварии, Вюртемберга, Саксонии) на первых порах оставили в неприкосновенности. 29 сентября 1919 года для ношения на околыше была введена новая овальная республиканская кокарда с черным, на золотом поле, «ощипанным» республиканским государственным орлом без короны и прочих имперских регалий. При этом весьма распространенным среди немецких белогвардейцев

(как и у их русских единомышленников из «цветных» частей) было ношение с серо-полевой формой цветных парадных фуражек.

5 мая 1919 года германские «сухопутные силы мирного времени» были, приказом министерства рейхсвера № 604/5.19, преобразованы во «временный (предварительный) рейхсвер», о котором будет еще подробнее сказано ниже.

Во «временном рейхсвере», наряду с черными обшлагами с 2 серебряными пуговицами, в качестве знаков отличия были введены еще более узкие, чем в «сухопутных силах мирного времени», погонные полосы на плечах, официально именовавшиеся «наплечными шнурами» (нем.: «шультершнур») – защитные для нижних чинов, серебряные – для офицерского состава и золотые – для генералов. Кроме того, были введены нарукавные знаки различия (80 на 55 мм) овальной формы с номерами частей и символами родов войск соответствующим цветом. Под этими нашивками ефрейтор и старший ефрейтор носили на обоих рукавах (выше локтя) 1 серебряную галунную полосу, а унтер-офицер – 1 шеврон из серебряного галуна углом вниз. Унтер-фельдфебель и фенрих (в кавалерии) носили 2, вице-фельдфебель – 3, фельдфебель и вахмистр (в кавалерии) – 4 серебряных галунных шеврона. Кандидат в офицеры (оффицирсанвертер) носил также 4 серебряных шеврона, но нижний шеврон у него заканчивался не острым углом, а петлей.

Офицерский состав, по аналогии с синими полосками «сухопутных сил мирного времени», носил серебряные галунные знаки различия ниже локтя, над обшлагом. Так,

фельдфебель-лейтенант и лейтенант носили над обшлагом 1 серебряную полосу с петлей вверху; старший лейтенант – 1 такую же полосу с петлей вверху, а под ней – 1 прямую полосу; капитан (гауптман) – 1 полосу с петлей вверху, а под ней – 2 прямые полосы; майор – 3 серебряные волнообразные полосы «гребнем» волны вверх; подполковник (оберстлейтенант) – 4, полковник (оберст) – 5 таких же волнообразных полосок. Генерал-майор носил столько же полосок, как и полковник (но при этом отличался от полковника золотым цветом своих галунных «плечевых шнуров»), генерал-лейтенант – 6 и генерал – 7 серебряных волнообразных нарукавных полосок «гребнем волны» вверх.

Невозможно отделаться от мысли, что введение этого довольно замысловатого набора знаков отличия было сделано под влиянием системы нарукавных знаков различия советской «рабоче-крестьянской» Красной Армии, возможно неосознанным. Хотя правительство Фридриха Эберта с первых же дней своего прихода к власти запретило «старорежимную» кайзеровскую черно-бело-красную кокарду, вместо которой начала внедряться на первых порах красная кокарда, а позднее – черно-красно-золотая (цветов нового «республиканского» флага Германии), большинство германских солдат и офицеров, особенно на первых порах, сохраняли верность черно-бело-красным кокардам и флагам – например, в Верхней Силезии, а тем более за пределами рейха – скажем, в Прибалтике.

Чаще всего ими использовался военный (он же и военно-морской) кайзеровский флаг, представлявший собой прямоугольное полотнище с прямым черным, с белой каймой, крестом на белом поле, с расположенным в центре креста черным коронованным орлом в белом круге и черно-бело-красным крыжем с изображением Железного креста в правом верхнем углу. Но нередко использовался и старый кайзеровский государственный флаг Германии с тремя горизонтальными полосами (черной, белой и красной).

Нередко черно-бело-красный «триколор» (нем.: «дрейфарб») использовали и военнослужащие рейхсвера внутри Германии. Так, классик немецкой и мировой литературы Томас Манн, ставший свидетелем боев рейхсвера с красными в столице Баварии г. Мюнхене в мае 1919 года, писал в своих «Рассуждениях аполитичного» (нем.: «Betrachtungen eines Unpolitischen»):

«(10 1/2 утра). Всю ночь была слышна стрельба, к утру она усилилась и продолжается. Рослые солдаты рейхсвера с черно-бело-красными повязками патрулируют перед домом...»

В связи с нехваткой сапог подавляющее большинство германских солдат еще в конце Великой войны перешло на ботинки с обмотками. Среди военных летчиков, танкистов, членов экипажей бронев автомобилей и бронепоездов было распространено ношение кожаных курток. Некоторые добровольцы, особенно австрийские и баварские (из «альпийских» добровольческих корпусов «Верденфельз» и «Обер-

ланд»), вообще отказались от военной формы и носили красочные баварские национальные костюмы, тирольские шляпы с перьями, короткие кожаные штаны с помочами и гетры – но такая «экзотика», как правило, ограничивалась пределами Судет, Баварии и Австрии. Во всяком случае, в период боев с поляками в Силезии добровольцы «Оберланда» запечатлены на фотографиях в обычной германской серой полевой военной форме «фельдграу» (правда, с эмблемой горного цветка эдельвейса на рукаве, в петлицах и порой даже на армейских касках).

Подобно германским ландскнехтам периода Тридцатилетней войны (16178-1648), бойцы добровольческих корпусов хранили верность, прежде всего, командирам своих подразделений, чьим знаменам они присягали. Некоторые из них сознательно подражали ландскнехтам, как своим историческим предшественникам, пели их средневековые (или стилизованные под средневековые) песни, носили вместо бескозырок и фуражек бархатные береты и т. п. Во многих случаях добровольцы носили знаки различия старой кайзеровской армии (как фронтовые, так и армии мирного времени), но нередко и знаки различия новых, республиканских вооруженных сил, равно как и собственные, фрейкоровские, разработанные основателями того или иного добровольческого формирования.

Знамена, флаги и значки добровольческих корпусов отличались большим разнообразием. Чаще всего на них изоб-

ражалась «мертвая голова», обрамленная различными деви-
зами, скелет с песочными часами и косой, герб места фор-
мирования (например, башни г. Гамбурга), черный крест ду-
ховно-рыцарского Тевтонского ордена на белом поле или
мальтийский крест – в особенности у подразделений, вхо-
дивших в белую русско-германскую Западную Доброволь-
ческую армию генерал-майора князя П. М. Авалова (Бер-
мондта), но иногда только начальная буква фамилии коман-
дира – «В» («Бертольд»), «R» («Росбах») или «L» («Лют-
цов»), порою обрамленные венками, дубовыми или лавро-
выми ветвями и т. п. – словом, у кого на что хватало фанта-
зии, времени и средств. Огромным разнообразием отлича-
лись петлицы, нарукавные знаки, нашивки, шевроны, щитки
и повязки добровольческих корпусов. Эту символику услов-
но можно подразделить на несколько типов:

- 1) геральдические щитки с гербами города или области формирования подразделения;
- 2) традиционные немецкие и древнегерманские военные и народные символы, руны и т. д.;
- 3) монархические символы, выражавшие верность свергнутой династии;
- 4) начальные буквы фамилии командира подразделения и дата его формирования и т. д.

Отличительным знаком добровольцев из приальпийских земель был цветок эдельвейса на знамени, рукаве, петлицах и на головном уборе – например, у членов добровольческо-

го корпуса (а позднее – Союза) «Оберланд», особо отличившегося в боях против красных в Баварии, западногерманских промышленных районах и в Верхней Силезии, где он 21 мая 1921 года взял штурмом Аннаберг со знаменитым монастырем, отстаивая силезские земли Германии от притязаний «панской» Польши.

Огнеметчики, еще со времен Великой войны, носили на рукаве ниже локтевого сгиба (или на обшлагае) черную (или защитную) нашивку круглой (или овальной) формы с белым черепом над двумя скрещенными костями.

Очень распространены были среди германских белых добровольцев петличные знаки в форме дубовых ветвей, нередко с желудями. Дубовые венки и листья издавна считались у немцев символом доблести – возможно, эти представления были переняты еще древними германцами у римлян, также награждавших своих героев за выдающуюся доблесть «гражданским венком» из дубовых листьев.

Если верить воспоминаниям Арнольда Фита фон Гольсенауэ (писавшего под псевдонимом «Людвиг Ренн»), фронтового офицера саксонской королевской армии, ставшего после окончания войны командиром белого фрейкора, в 20-е годы – членом КПГ, в 1936-1939 гг. – комиссаром германских интербригадцев, дравшегося на стороне испанских республиканцев против Франко, избранного после Второй мировой войны председателем Союза писателей просоветской Германской Демократической Республики и оставив-

шего об описываемой нами эпохе германской истории интересные беллетризованные мемуары «Война» (Krieg), «После войны» (Nachkrieg), «Инфляция» (Inflation) и «На обломках Империи» (Auf den Truemmern des Kaiserreiches), к сожалению, до сих пор не переведенные на русский язык, на торжественной встрече солдат, возвращавшихся с войны, девушки надевали им на каски дубовые венки. Дубовые веточки в петлицах носили чины добровольческих корпусов Богендерфера, Гааза, Габке, Гауптмана, Гейнцмана, «Гессен», «Гессен-Нассау», «Гольдинген», Германской охранной дивизии, Пограничной стражи (охраны) «Германия», Соединения «Гинденбург», Баденского штурмового батальона, Верхнесилезского ландъегерского и Добровольческого ландъегерского корпусов, фрейкоров Северина, фон Пфедфера, Остеррота, Тюльмана и др.

На овальной нарукавной эмблеме чинов 2-й (Вильгельмсгафенской) военно-морской бригады Эргардта была изображена норманнская ладья-«драккар», под ней – надпись «Вильгельмсгафен» или «Эргардт».

На томпаковых петличных знаках чинов 3-й военно-морской бригады фон Лёвенфельда были изображены свитые в венок лавровая и дубовая ветви с наложенным на них морским якорем.

Чины Баварского стрелкового корпуса генерала фон Эппа носили на левом рукаве черный ромб с львиной мордой в профиль на круглом медальоне (лев – геральдический сим-

вол Баварии).

Чины 1-го полка Охранных войск генерала фон Леттов-Форбека – львиную морду анфас на фоне овального африканского щита, перекрещенного двумя негритянскими копьями-ассегаями (в память об их службе в африканских колониях Германского рейха).

Чины добровольческого корпуса Вольфа – овальные петличные знаки с изображением повернутой в профиль волчьей головы (что намекало на фамилию их командира, оберлейтенанта Вольфа – по-немецки «Вольф» означает «волк»).

Чины одноименного Гессенского батальона самообороны Вольфа носили черную манжетную ленту с белой надписью «Вольф» («Волк»); кроме этой, единой для всего батальона эмблемы, чинам его 1-й роты полагалась черная манжетная лента с белой надписью «Вервольф» («Вурдалак», или «Волк-оборотень»), чинам 2-й роты – бежевая манжетная лента с черной надписью «Штурмфогель» («Буревестник»), а чинам 3-й роты – черная манжетная лента с белой надписью «Лютцов» (в честь майора Адольфа фон Лютцова – основателя первого прусского фрейкора в 1813 году).

Чины добровольческого Штурмового отряда (Штурмбтей-лунг, СА) Россбаха носили кайзеровскую черно-бело-красную кокарду на тулье фуражек и бескозырок, а на околыше – посеребренную металлическую заглавную латинскую литеру «R» («Россбах») в венке из дубовых листьев, такие же буквы «R» на черных, с белыми выпушками, по-

гонах, олений череп с крестом Святого Губерта между рогами над красно-бело-черным шевроном углом вверх на левом плече, позднее – черные нарукавные повязки с белой литерой «R» поверх 2 белых горизонтальных полосок, а со времени мюнхенского «Пивного путча» («Путча Гитлера-Людендорфа») 1923 года, в котором «россбаховцы» принимали активное участие – красные нацистские повязки с черной свастикой-«гакенкрейцем» в белом круге (впрочем, иногда, как свидетельствуют сохранившиеся фотографии, свастика на повязках у россбаховцев помещалась не в круге, а в белом квадрате – как у членов русской эмигрантской организации РОНД Светозарова-Пельхау и князя Авалова).

Чины добровольческого корпуса Паульсена носили на рукаве герб прусской королевской династии Гогенцоллернов (геральдический щит, четвертованный из серебра и черни), а чины батальона самообороны фон Гейдебрека – золоченую корону Германской Империи, и т. д. Наручные знаки изготавливались из материи, кожи или металла. Иногда отличительным знаком чинов добровольческого подразделения служила узкая наручная, или манжетная, лента, пришитая к обшлагоу, обычно белого или черного цвета, иногда с вышитым или нанесенным краской названием фрейкора.

6. Вооружение

Несколько слов о вооружении германских белых добровольцев. С учетом того, что им приходилось вести боевые действия по преимуществу в городских условиях, вооружение фрейкоровцев ограничивалось в основном стрелковым оружием – винтовками, карабинами, пистолетами и револьверами, тяжелыми и легкими пулеметами, минометами и огнеметами. Кроме того, у них имелось некоторое количество пистолетов-пулеметов «Бергман» MP-18. В боях на улицах германских городов, где фактически решалась судьба мировой революции, «о необходимости которой так долго говорили большевики», но которая, к счастью, не совершилась, активно использовались как ручные гранаты-«бутылки», так и гранаты-«лимонки», саперные лопатки и «окопные кинжалы» – «узкие, шилообразные, похожие скорее на средневековые итальянские стилеты, и такие острые, что, вонзенные в рукопашной схватке в глаз противника, мгновенно ударялись изнутри о черепную кость врага» (как писал Людвиг Ренн в своей дилогии «Война»/«После войны»).

Фрейкоровские кавалеристы, особенно в Балтикуме (Прибалтике), порой использовали, наряду с карабинами, пистолетами и револьверами, сабли и пики, как это многократно засвидетельствовано мемуаристами (Э. Э. Двингером, Э. фон Саломоном, Г. Баллой и многими другими).

Германские кавалерийские пики (отмененные в рейхсвере только в 1927 году) были стальные, трубчатые, с гранеными воронеными наконечниками. Нередко фрейкоровцы-кавалеристы из числа бывших студентов (корпорантов или буршей) прикрепляли к своим пикам флюгера цветов своих университетских корпораций или «буршеншафтов» с крыжем в виде уменьшенного знамени своего фрейкора (например, черного, с белой «мертвой головой», знамени Железной дивизии), у древка.

Артиллерия, бронемашины и танки (главным образом, трофейные английские) использовались реже и преимущественно крупными добровольческими частями. Применялась и военная авиация – главным образом, в целях воздушной разведки, корректировки огня и сбрасывания пропагандистского материала типа листовок над вражескими позициями (например, в период боев в Рурской области), но иногда и для прицельного бомбометания.

7. Январское восстание в Берлине

6 января 1919 года член СНУ, правый социал-демократ Густав Носке, в качестве чрезвычайного уполномоченного рейхспрезидента Эберта, был назначен главнокомандующим всеми добровольческими частями, а генерал Генрих фон Гофман, командир Гвардейского кавалерийского стрелково-го корпуса (Гардекаваллери-Шютценкор) – его начальником штаба.

Чтобы спровоцировать на преждевременное выступление берлинских большевиков, копивших силы перед решительным ударом по правительству, 4 января 1919 года по приказу Фридриха Эберта был отрешен от должности полицей-президент Берлина, Эмиль Эйхгорн, симпатизировавший красным и сформировавший, фактически в помощь им, собственные силы безопасности. Дело в том, что после выхода оппозиционных Эберту «независимых социал-демократов» («независимцев») из правительства, их сторонники, в порядке партийной дисциплины, начали повсеместно увольняться с государственной службы и административных должностей. Однако глава берлинской полиции, «независимец» Эйхгорн отказался уйти со своего поста. Его поддержали левые «независимцы», берлинские «революционные старосты» и «спартаковцы» (как по старой памяти именовались немецкие коммунисты и сочувствующие). Был сформиро-

ван Революционный комитет (Ревком), который призвал к свержению правительства Эберта и объявил, что берет всю власть на себя. 5 и 6 января КППГ, в знак протеста против правительственного распоряжения о смещении Эйхгорна, организовала массовые беспорядки и демонстрации берлинских рабочих.

6 января была объявлена всегерманская политическая стачка. «Народные матросы» и красногвардейцы захватили государственные военные склады и военные заводы в Шпандау и Виттенау. Теперь «спартаковцы» оказались в избытке снабженными оружием и боеприпасами. Костяк их сил

составляли 3000 вооруженных до зубов красногвардейцев. Воодушевленные этим первым успехом, вожди берлинских революционеров во главе с представителями Центра КПГ – Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург – приняли решение о начале вооруженной борьбы за свержение «контрреволюционного правительства» социал-демократов и захват власти в стиле РСДРП/ВКП (б). «Совет Народных Уполномоченных» был объявлен низложенным. «Спартаконцы» потребовали для себя всей полноты политической власти в стране.

Была развязана разнузданная травля социал-демократической партии – совсем в духе московских большевиков (всего через несколько лет заклеивших социал-демократов «социал-фашистами»). Однако призыв коммунистов к насильственному свержению правительства Эберта-Шейдемана не нашел отклика у большинства немецких рабочих, которые отказались бороться против социал-демократического правительства, поскольку считали его «своим». Не было единства и в рядах самих «спартаконцев – смелых бойцов». Их ненадежные союзники – «независимые социал-демократы» – заколебались перед лицом угрозы полномасштабной гражданской войны «в русском стиле» и начали сепаратные переговоры с правительством, чем смутили рабочих, симпатизировавших «независимцам».

Но маховик вооруженного восстания был уже запущен и не мог быть остановлен. Берлинские красногвардейцы,

действуя строго «по Ленину», захватили столичные вокзалы, дирекцию путей сообщения, полицей-президиум (Главное Управление Внутренних Дел), издательства нескольких буржуазных и социал-демократических газет, включая редакцию главного печатного органа СДПГ – газеты «Форвертс» («Вперёд»), почтамт, телеграф и телефонную станцию.

Не видя возможности получить помощь ни от кого, кроме фрейкоров, Фридрих Эберт обратился к полковнику Вильгельму Рейнгарду (не путать с генералом Гансом-Георгом Рейнгардтом!), формировавшему добровольческий корпус в Моабитских казармах, с просьбой выбить «спартаковцев» из захваченных теми редакций газет. 8 января добровольческие части белых перешли в наступление на почти полностью контролировавшийся красными Берлин. Военный министр Густав Носке отдал добровольцам приказ о расстреле на месте всякого большевика, взятого с оружием в руках. Так он, от имени социал-демократического правительства, официально узаконил то, что германские левые (которые, как всегда, рады были «увидеть сучок в глазу ближнего своего, а в своем глазу бревна не видевшие») не замедлили окрестить «белым террором».

10 января 1919 года белые добровольческие части полковника Вильгельма Рейнгарда, имевшие на вооружение пулеметы, артиллерию, бронемашину и даже один из уцелевших после мировой войны германских танков, под ливнем

пуль атаковали редакцию газеты «Форвертс», превращенную спартаковцами в настоящую крепость. Одновременно вооруженные отряды государственных чиновников, мобилизованных Эбертом на охрану правительственных зданий, еще не захваченных «спартаковцами», вступили с красными в бой и постепенно оттеснили их за Бранденбургские ворота. Носке организовал свой штаб в западноберлинском районе Далем, призвав туда белых добровольцев генерала Людвига Меркера.

Возглавленные лично Густавом Носке, они двинулись в центр Берлина, «зачищая» квартал за кварталом, и к вечеру 11 января 1919 года соединились с белыми добровольцами генерала Ганса-Георга Рейнгардта в Моабитских казармах. После этого началось методичное уничтожение опорных пунктов спартаковцев. В Берлине развернулись ожесточенные бои между добровольческими корпусами и «спартаковцами», уличные схватки с применением тяжелого оружия, танков, броневиков, артиллерии, минометов, огнеметов и сотен тяжелых пулеметов. «Спартаковцы» оказывали столь ожесточенное сопротивление, что белым добровольцам нередко приходилось отступать, вновь собираться с силами и переходить в очередное наступление только после основательной артиллерийской подготовки.

По указанию Коминтерна КПГ не замедлила организовать в поддержку берлинских «спартаковцев» коммунистические выступления в Брауншвейге, Дортмунде, Эрфур-

те, Галле, Гамбурге, Мюльгейме на Руре, Цвиккау. Многие другие города были охвачены забастовками. Повсеместно проводились демонстрации. В рейнско-вестфальском и в верхнесилезском промышленных регионах разразилась забастовка шахтеров с требованием национализации шахт. В портовом городе Бремене восставшие провозгласили «Бременскую Социалистическую республику». Вслед за тем была провозглашена «Социалистическая республика Ольденбург» (подобная же «эпидемия» провозглашения бесчисленных «советских» и «социалистических» республик на территории одной страны была характерна и для периода гражданской войны в России!).

В довершение ко всему, Германия столкнулась с очередной внешней угрозой. В январе 1919 года войска свежееиспеченной, полностью зависимой от Антанты Чехословацкой республики вторглись на территорию Саксонии с намерением аннексировать Лаузиц (Лузанию) и Баутцен (Будичин).

Дрезден, Лейпциг, Мюнхен, Нюрнберг, Штутгарт и другие города стали ареной ожесточенных уличных сражений между вооруженными «пролетариями» и белыми добровольческими корпусами. При этом «стрелка весов» постоянно колебалась. В Лейпциге «спартаковскими» боевиками были остановлены эшелоны правительственных войск, направлявшиеся в Берлин. Добровольцев разоружили под угрозой артиллерийского обстрела, многих офицеров убили или ранили. В ходе боев за Лейпциг погиб сбитый спарта-

ковцами летчик лейтенант Бюхнер – один из наиболее прославленных германских асов Первой мировой войны, имевший на своем боевом счету более 40 уничтоженных вражеских аэропланов.

Однако постепенно чаша весов склонилась в сторону белых. Столица Германского рейха была квартал за кварталом очищена от красных инсургентов, и 12 января добровольцы перешли в наступление на последний оплот «спартаковских» боевиков – полицей-президиум (ГУВД) Берлина, взятый штурмом, с большими потерями. Пламенные интернационалисты товарищи Карл Радек и Эмиль Эйхгорн благополучно спаслись бегством, бросив своих людей, которым пришлось «платить за разбитые горшки». Первый удар Коминтерна по Германии был отражен. Потери сторон в боях за Берлин составили (только убитыми!) более 300 у спартаковцев, и 77 – у белых добровольцев.

В память о январских боях 1919 года с бойцами добровольческих корпусов, поддерживавших Фридриха Эберта, в Берлине немецкие коммунисты сочинили на старый мотив «Бюксенштейнлид», или, говоря по-русски, «Бюксенштейнскую песню» (названную по типографии Бюксенштейна в берлинском Газетном квартале, ставшему ареной наиболее ожесточенных вооруженных столкновений красных повстанцев с белыми фрейкоровцами). Приводим ниже текст этой песни с подстрочным переводом на русский язык:

1. Im Januar um Mitternacht
Ein Spartakist stand seine Wacht.
Er stand mit Stolz, er stand mit Recht,
Im Kampf gegen ein Tyrann'geschlecht.

2. Und mit der Knarre in der Hand
Er hinterm Zeitungsballen stand.
Die Kugeln pfeifen um ihn rum.
Der Spartakist, er kuemmert sich nicht drum.

3. Und donnernd droehnt die Artillerie.
Spartakus hat nur Infanterie.
Granaten schlagen um ihn ein.
Die Noskehunde stuermen Buexenstein.

4. O Buexenstein! O Buexenstein!
Spartakus sein heisst Kaempfer sein.
Wir habn gekaempft bei Buexenstein
Und dafuer sperrt man uns ins Zuchthaus ein.

5. Und wofuer kaempft ein Spartakist?
Damit ihrs alle, alle wisst:
Er kaempft fuer Arbeit und fuer Recht.
Nicht laenger sei der Arbeitsmann ein Knecht!

6. Dass alle Menschen, gross und klein,
Auf Erden sollen Brueder sein.
Dass niemand leidet ferner Not
Und jeder hat genuegend taeglich Brot.

7. O Spreeathen! O Spreeathen!
Viel Blut, viel Blut hast du gesehn!
In deinem Friedrichshaine ruht
So manches tapfere Spartakusblut.

Подстрочный русский перевод:

1. В полночь в январе
Стоял «спартаковец» на часах.
Он стоял гордо, защищая правое дело,
В борьбе с родом тиранов.

2. И с винтовкой в руке
Он стоял за баррикадой из рулонов газетной бумаги.
Вокруг него свищут пули,
Но «спартаковец» не обращает на это внимания.

3. Все громче грохочет артиллерия.
У Спартака только пехота.
Вокруг него рвутся снаряды.
Псы Носке штурмуют Бюксенштейн.

4. О Бюксенштейн! О Бюксенштейн!
Быть Спартаком значит быть бойцом.
Мы сражались при Бюксенштейне,
И за это нас заключают в тюрьмы.

5. За что же сражается «спартаковец»?

Чтобы вы все-все это знали:

Он сражается за труд и за справедливость,

Чтобы впредь человек труда никогда не был холопом!

6. Чтобы все люди на Земле —

Большие и маленькие, были братьями.

Чтобы никто не терпел нужду,

И чтобы у всех было достаточно хлеба насущного.

7. О Афины на Шпрее (поэтическое название Берлина – В. А.)!

О Афины на Шпрее!

Вы повидали много, много крови!

На вашем Фридрихагайнском кладбище

Покоится так много храбрых «спартаковцев».

Спартакровский текст этой песни был сочинен коммунистом Рейнгальдтом Шульцем, редактором официального печатного органа КППГ – газеты «Ди Роте Фане» («Красное Знамя»).

Впоследствии чины штурмовых отрядов (СА) гитлеровской Национал-Социалистической Германской Рабочей партии пели на тот же самый мотив (позаимствованный «спартаковцами» у снискавшей большую популярность в годы Первой мировой войны и увековеченной Э. М. Ремарком в его знаменитом романе «Три товарища» немецкой солдатской песни о сапере, стоящем на посту в полночь в Аргоннском лесу) свою собственную песню – «Мы маршируем по герман-

ской земле»:

Durch deutsches Land marschieren wir.
Fuer Adolf Hitler kaempfen wir.
Die Rote Front, schlagt sie zu Brei!
SA marschiert! Achtung! Die Strasse frei!

(Мы маршируем по германской земле.
Мы сражаемся за Адольфа Гитлера.
Разбейте Красный Фронт вдребезги!
СА марширует! Берегись! Прочь с дороги!),

но это уже другая история...

Несмотря на подавление январского мятежа, в Берлине, как ни в чем ни бывало, продолжал выходить центральный печатный орган КППГ – газета «Ди Роте Фане (Красное Знамя)», а товарищи Карл Либкнехт и Роза Люксембург продолжали выступать с пламенными речами перед революционными рабочими. Правда, им постоянно приходилось перебираться с квартиры на квартиру, однако «вожди классово сознательных германских рабочих», несмотря на опасность, отказывались уехать из Берлина, надеясь взять реванш за январское поражение. Наконец, 15 января 1919 года они были выслежены, схвачены добровольцами капитана Вальдемара фон Пабста из Гвардейской кавалерийской стрелковой дивизи-

зии (Гардекавалери-Шютцендивизи-он) и убиты при невыясненных до конца обстоятельствах.

После этого Коммунистическую партию Германии возглавил пламенный интернационалист товарищ Пауль Леви.

Хотя речь шла всего лишь о ликвидации зачинщиков вооруженного антиправительственного мятежа в ходе обычной в военное время «зачистки», убийцы товарищей Либкнехта и Люксембург в мае 1919 года предстали перед судом «буржуазного» государства (которое обезвреженные белыми добровольцами государственные преступники как раз и намеревались ликвидировать насильственным путем!) и были приговорены к разным срокам заключения – от 2 лет до 4 месяцев тюрьмы (хотя 6 обвиняемых оправдали за недоказанностью соучастия в совершении преступления).

В то же время в красной Совдепии «в ответ на злодейское убийство товарищей Карла Либкнехта и Розы Люксембург германскими контрреволюционерами» был объявлен «беспощадный красный террор», жертвами которого пали тысячи невинных, хотя и «классово чуждых» большевикам россиянам, не только не имевших ни малейшего отношения к ликвидации вышеупомянутых «немецких товарищей», но и не ведавших об их существовании!

Но что поделать – стражи «пролетарской» революции руководствовались, согласно их же собственным заявлениям, не «буржуазными» юридическими нормами, а соображениями «революционной целесообразности».

В Петрограде большевики, в числе прочих, расстреляли «за Карла Либкнехта и Розу Люксембург» во рву Петропавловской крепости Великих Князей из Дома Романовых, митрополитов и епископов – членов Синода Российской Православной Церкви. После этого варварского, циничного расстрела остальных заключенных вывели на Кронверкскую набережную, где смертников уже ждала баржа. Несчастных набивали в трюм, заполнили заложниками всю палубу. Но, тем не менее, на барже все не поместились – так много жертв было схвачено «мстителями за вождей германского пролетариата»! Так что остаток, человек 300 «счастливиц» – свидетелей злодеяния – отблокировали в печально знаменитую тюрьму Кресты. А полную баржу с цветом русской нации – лучшими представителями петербургской аристократии и интеллигенции на борту – вытянули на середину Невы и там медленно затопили. Крик и стон стояли над оцепеневшим от ужаса городом. Вот какие «славные» поминки справили красные палачи по товарищам Либкнехту и Люксембург!

После успешного завершения операции по ликвидации товарищей Либкнехта и Люксембург (о которых великий гуманист Томас Манн писал в «Рассуждениях аполитичного» (6. 1. 1919): «Я презираю Либкнехта, Люксембург и т. д.; они не политики, а дикие социалисты») капитан Вальдемар фон Пабст (боевой офицер-ветеран германских «охранных» – т. е. колониальных – войск), близкий к генералу Эриху Людендорфу, был переведен в Потсдамскую бригаду

рейхсвера. В 1920 году он «не выдержал творившихся вокруг безобразий» и предпринял, опираясь на штыки бригады, неудачную попытку военного переворота – «марш на Берлин». Но, оказавшись без поддержки других воинских частей, фон Пабст был вынужден бежать в Немецкую Австрию, где, вместе с князем Эрнстом-Рюдигером фон Штарембергом, организовал первые отряды антикоммунистического «геймвера» («геймверами» в Австрии, как уже упоминалось выше, назывались отряды самообороны, аналогичные добровольческим корпусам и боровшиеся как с местными большевиками, так и с внешним противником – югославами, итальянцами и чехословаками, постоянно нападавшими на приграничные австрийские земли).

После подавления спартаковского мятежа и ареста в феврале 1919 года скрывавшегося на тайной берлинской явке пламенного интернационалиста товарища Карла Радека можно было не опасаться за то, что должный порядок при проведении выборов в Национальное собрание будет соблюден. Выборы благополучно состоялись 19 января, но на всякий случай добровольческими корпусами были приняты необходимые меры предосторожности. Перед избирательными участками была выставлена охрана в стальных касках, с огнестрельным оружием и ручными гранатами. Города патрулировались белыми добровольческими частями, по улицам разъезжали автомобили с пулеметами, некоторые кварталы напоминали военный лагерь. Большинство (54%) го-

лосов на выборах и 236 депутатских мест получили партии буржуазного лагеря – партия Центра, Немецкая (Германская) Демократическая партия, Немецкая Народная партия и несколько партий помельче.

Социал-демократы (СДПГ и НСДПГ) получили вместе 46% голосов и 187 мест в Национальном собрании. КПГ в выборах не участвовала. Но не потому, что власти ей это запретили или поставили ее вне закона, а потому, что ее руководители ясно понимали: «вариант матроса Железняка» (с подкрепленным шелканьем винтовочных затворов заявлением: «Караул устал, все расходитесь по домам!») в Германии не прошел, а честный выигрыш ей явно «не светит». Большинство немецких рабочих, в условиях отсутствия террора со стороны красных боевиков, проголосовало за социал-демократов. Так германские белогвардейцы волей-неволей спасли демократию (хотя не слишком ей симпатизировали).

КПГ перешла к активной внепарламентской борьбе. Ее главными лозунгами в этой борьбе были:

- 1) обобществление крупной промышленности;
- 2) признание Советов (в которых было сильно коммунистическое влияние), обеспечение и расширение их прав;
- 3) отмена правительственного указа от 19 января 1919 года о восстановлении единовластия офицеров в воинских частях (знакомая большевицкая тактика!) и об ограничении полномочий Советов солдатских депутатов;

4) роспуск добровольческих корпусов;

5) поголовное вооружение рабочего класса («вооруженный народ вместо армии как орудия классового господства реакционной буржуазии»).

Все эти лозунги были густо одобрены обычной большевицкой социальной демагогией.

Но социально-экономические требования германских коммунистов – как это ни парадоксально звучит! – могли бы быть осуществимы только в том случае, если бы Германия была такой же аграрной страной, как Россия. В России это было возможно с перенесением национального производства в деревню, из которой большевики черпали необходимые им для раздувания национальной и международной революции материальные ресурсы путем простых насильственных изъятий, продразверстки, короче говоря – прямого грабежа, по принципу: «Мужик, что конопля – чем больше жмешь – тем больше выжмешь!». А в такой промышленно развитой, индустриальной стране, как Германия, массовая социализация всех средств производства, которой добились «спартаковцы», неминуемо привела бы к тотальной дезорганизации, хаосу и прекращению всякого национального воспроизводства.

И снова разгорелись уличные бои – в Берлине, в Рурской области, в Центральной Германии, Баварии и Верхней Силезии. В Тюрингии, Эрфурте, Готе, в Вюртемберге, Ганновере, Хемнице, в Лугауско-Эльсницком каменноугольном бас-

сейне, в Оффенбахе, Штеттине и во многих других городах прошли забастовки, массовые митинги и демонстрации, а затем и вооруженные столкновения между красными незаконными бандформированиями и белыми добровольческими корпусами, борющимися за восстановления закона и порядка. Не было, пожалуй, ни одного мало-мальски крупного населенного пункта в Германии, не охваченного вооруженной борьбой. Оружия у населения повсюду оказывалось на удивление много – с тех времен сохранилось множество приказов командиров добровольческих частей о сдаче населением оружия после занятия того или иного города.

Впрочем, координация действий повстанцев оставляла желать много лучшего. Это облегчало центральному правительству Германии подавление вооруженных выступлений силами добровольческих формирований. Нередко тщательно законспирированные агенты правительства проникали в ряды повстанцев и провоцировали их на преждевременные выступления. Имперское правительство, заседавшее в тихом, провинциальном Веймаре под надежной защитой штыков волонтеров генерала Меркера, вело долгие переговоры с представителями красных повстанцев, надеясь выиграть время, необходимое для переброски добровольцев из одной мятежной области в другую.

8. Огненный год

Отразив натиск авангарда Коминтерна на Берлин в январе 1919 года, германские белые направили свой следующий удар против самопровозглашенной Бременской Советской (Социалистической) Республики. Сломив в ожесточенных боях упорное сопротивление примерно 1500 красногвардейцев и распропагандированных коммунистами матросов, белые добровольцы под командованием полковника Герстенберга, по настоянию генерала барона фон Лютвица и по приказу Носке, с применением тяжелого оружия заняли г. Бремен и разогнали тамошние советы рабочих и солдатских депутатов. Однако стоило добровольцам уйти, как бременские коммунисты снова взбунтовались. В апреле 1919 года в Бремене была объявлена всеобщая стачка; за стачкой последовали новые вооруженные столкновения красных бандформирований с белыми добровольческими корпусами.

7 февраля 1919 года Генеральный Совет солдатских депутатов 7-го армейского корпуса (в г. Мюнстере), всегда упорно противившийся созданию добровольческих корпусов, отказался подчиниться Правительственному указу от 19 января о восстановлении единоначалия офицеров и потребовал от правительства признать противоположные по содержанию и смыслу решения I Имперского (Всегерманского) Съезда Советов. В ответ на этот акт явного неповино-

вения белые добровольческие части генерала Оскара барона фон Ваттера 10 февраля 1919 года с боем заняли Мюнстер, принудили к сдаче и разоружили тамошние красные части «гвардии безопасности» («Зихерхайтсвер») и арестовали членов Генерального совета солдатских депутатов.

Теперь настало время для умиротворения беспокойной Рурской области, где с января по конец апреля постоянно вспыхивали ожесточенные уличные бои и забастовки. Их участники требовали обобществления горной промышленности и признания полномочия советов рабочих депутатов. В этих выступлениях, нередко принимавших насильственный характер, порою принимали участие сотни тысяч шахтеров и других рабочих, находившихся под сильным влиянием пропаганды КПГ. С начала февраля правительство Фридриха Эберта все туже стягивало вокруг Рурской области кольцо добровольческих частей. Боевым действиям в Рурской области было положено начало 15 февраля 1919 года, когда добровольческий корпус Лихтшлага очистил г. Гервест-Дорстен от коммунистов. Командир «спартаковцев», пламенный интернационалист товарищ Здунок, был застрелен при попытке к бегству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.